

Оглавление

Владельцы железного завода и мельницы на Воронусе около с. Шумарова.....	2
Кустарная технология получения железа из болотных руд.....	2
Создатель мельницы на р. Воронусе ниже с. Шумарова Иван Федорович Есимонтовский и его потомки.....	4
Основатель железного завода и слободы Рудня Шумаровская полковник Петр Рославец и его судьба.....	12
Последние владельцы железного завода в Рудне Шумаровской.....	22
Мельница на Воронусе близ с. Шумарова.....	25
Владелец шумаровской мельницы войсковой товарищ Федор Лашкевич.....	28
Владелец с. Новая Романовка Степан Артемьевич Лашкевич.....	33

Владельцы железного завода и мельницы на Воронусе около с. Шумарова

Кустарная технология получения железа из болотных руд

Существование во многих местах края залежей железной руды способствовало выплавке железа из болотных руд. Железная промышленность в Мглинском крае, зародившись около половины XVII в., значительно выросла к концу века. Временем ее наибольшего расцвета нужно считать 1700 – 1750 гг. Далее наметился упадок, в 80-е годы XVIII в. началась ликвидация руден, которая закончилась в начале XIX в. Выплавка железа в крае прекратилась, но поселки, возникшие в местах плавки руды, по-прежнему сохраняют за собой названия Рудни¹.

Рудней называли небольшие заводы по выплавке железа из болотных и дерновых руд, которыми были богаты земли края. Место, где возникала рудня, определялось сочетанием трех природных условий: наличие железной руды, реки как источника движущей силы и топлива. Все рудни строились на плотинах, сооружение которых являлось самой сложной и трудной работой. Решающим условием было наличие достаточных запасов руды в данной местности. В пойме Воронусы железная руда встречается часто почти на поверхности почвы. Оттого в заболоченных, местах застоявшаяся вода нередко имеет рыжеватый цвет.

За такими низинами и сенокосными угодьями в иных местах закреплялось название «ржавец». Ручей Ржавец протекает между с. Шумарово и Рудней Шумаровской. Есть и небольшая речка с названием Ржавец. Она берет начало в Сосновом болоте недалеко от Нетяговки и в истоке имеет ржавый цвет от соприкосновения с рудой. Болотная руда бедна железом, но встречается только в поймах рек, и запасы ее значительны. Только когда запасы руды возле рудни исчерпывались, руду подвозили из более далеких мест.

Обычно рудня имела три водяных колеса (кола) и два горна – плавильный и кричный, в каждый из которых был вделан кожаный мех, приводимый в движение отдельным колесом. При помощи третьего колеса был механизирован большой молот для отжимания криц. Крица – это бесформенный кусок железа, получавшийся из плавильной печи при «сыродутном способе» вываривания железа из руды и очищавшийся от шлаков ударами большого кричного водяного молота.

Три колеса были распределены так: одно колесо действует молотом, другое мехом, производящим огонь и железо, а третье – это колесо, разогревающее железо.

---

¹ Федоренко П.К. Рудни Левобережной Украины в XVII – XVIII веках. – М., 1960; Ефименко П. Рудни в Северщине. Киевская старина, 1888, том XXI, апрель.

Рудня в три колеса и два горна состояла обычно из таких частей: дымарки, в которой вываривалось железо, большого механизированного молота для проковки криц вываренного железа и кузницы, где изготовлялась железная продукция.

Дымарка представляла из себя невысокую четырехугольную открытую печь, снабженную дымоходом, в которую засыпали древесный уголь попеременно со слоями промытой и раздробленной руды вместе с негашеной известью, ускорявшей процесс вываривания железа. Задняя стена печи, за которой находились два «дымарских» меха, подававших в печь воздух, была значительно приподнята. В ней находилось отверстие, через которое воздух, нагнетаемый кожаными мехами, поступал в печь.

Вращением колеса приводился в движение вал. Вделанные в вал кулаки при вращении вала нажимали то на один, то на другой конец коромысла, соединенного с дымарскими мехами, и приводили в движение попеременно то один, то другой мех. Непрерывным движением мехов в горне поддерживалась необходимая для вываривания железа температура. В течение операции варки железа длившейся от 8 до 12 часов, по мере осаживания шихты несколько раз делали подсыпку угля и руды. Жидкие шлаки выпускали несколько раз через отверстие внизу печи.

Типичное устройство рудни

Заправка печи постепенно заполнялась рыхлой тестообразной железной массой. По окончании варки эту массу (крицу) «выкатывали» через имевшееся в передней стене печи сводчатое отверстие, обычно замазанное глиной, специальным крюком. Извлеченную из печи массу весом 6 – 8 пудов оббивали деревянными молотками для очистки от примесей. После этого, захватив большими клещами и разогрев, массу отжимали под большим молотом для придания ей большей плотности.

Далее крицу рассекали на несколько частей. Разогрев каждую из них в расковочном горне, их окончательно отжимали под большим молотом. Из крицы в 6–8 пудов выходило до 4 пудов «дельного

железа».

Описанный способ добывания из руды непосредственно железа принято называть сыродутным. Его сущность заключалась в том, что руда, засыпанная в плавильную печь попеременно со слоями древесного угля, под действием высокой температуры подвергается необходимым химическим изменениям, когда окись железа

в руде при температуре 400–800° восстанавливается до металлического железа. Железо при этом не достигает фазы жидкого состояния (1600°), а получает вид густой тестообразной массы.

Способ был несовершенным, поэтому значительная часть железа не вываривалась и оставалась в шлаках, а само железо получалось низкого качества (много примесей – кремний, сера и проч.). Изделия, изготовлявшиеся в руднях, преимущественно использовались в сельском хозяйстве: сошники, лемехи, заступы, полосы, шины, гвозди, плитки для золения белья и полотна, замки и т. п. В документах отмечается также продукция для мельничного дела, крупорушек, кузниц и приспособлений к лодкам или байдакам – судно с одной мачтой. Но здесь же производились и военные припасы – картечь, дробь.

Описанная технология производства железа – это достаточно сложный процесс, в котором принимало непосредственное участие несколько видов специальных работников. Во главе предприятия стоял рудник; у него были «мастерские люди» - кузнецы, дымари, курачи, рубачи. Все эти мастерские жили недалеко в слободке, которая всегда была при рудне.

Владельцами руден являлась лишь самая привилегированная верхушка общества. Руднями в пределах Стародубского полка владели – гетманы Самойлович, Мазепа, Скоропадский, Апостол, Разумовский. Среди владельцев видим генеральную старшину и стародубских полковников. Эта группа владельцев близко стояла к военному делу, а рудни имели и военное значение.

Обычно владелец, получая позволение устроить рудню, испрашивал вместе с ней · позволение осадить рядом и слободку. На одной рудне бывало от 6 до 20, иногда до 30 работников. Таково происхождение тех маленьких поселений, которые мы теперь встречаем под именем «Рудня», в том числе и Рудни Шумаровской.

Создатель мельницы на р. Воронусе ниже с. Шумарова Иван Федорович Есимонтовский и его потомки

Род Есимонтовских, наряду с другими членами казацкой старшины Мглинского края, стал одним из самых активных инициаторов в освоении новых территорий, присоединенных к России в 1654 г.²

Эта фамилия относилась к мглинскому казачеству, из чьей среды они вошли в войсковую старшину. Первое упоминание о Есимонтовских относится к 1665 г., когда впервые упоминается рядовой казак Федор (по данным Кривошеи – шляхтич). В 1669 г. его брат, Андрей Есимонтовский, становится мглинским сотником. Позже сын Федора, Иван, тоже был избран сотником (1671), как только разбогател скупкой земель вокруг Мглина. В результате, начиная с 1669 г. по 1732 г. сотниками Мглинской сотни шесть раз избирались Есимонтовские: брат Федора Андрей (1669–1671), Иван

---

² Ломако Е.И. Вехи истории Мглинского края. Том 1. – М., 202;
Ломако Е.И. Предводители дворянства Мглинского края. – М., 2024.

Федорович (1673, 1680–1681, 1687 наказной), Афанасий Иванович (1709–1716), Алексей Иванович (1723–1732).

Герб рода Есимонтовских

При Еатерине II Есимонтовские получают дворянство и родовой герб, на красном щите которого изображена опрокинутая стрела, сопровождаемая с боков двумя шестиконечными звездами и полумесяцем, в нащлемнике герба – пять страусовых перьев.

Согласно семейной легенде еще при поляках казак Федор Есимонтовский основал Симонтовку (Есимонтовку), поселив в ней бобылей. Об этом в 1729 г. сын Ивана Есимонтовского Алексей писал: *«...с. Есимонтовку еще за держави полской, Федор, покойный дед мой, заводил и сам в оном (селе) живучи, также на своем грунте, несколько бобылей осадил. Потом, отец мой Иван Есимонтовский также несколько бобылей прибавил и прикупил у казаков тамошних грунту. А тяглыми людьми восми двориками, на пяти четвертках поля жиючими, за владения полского владел сначала як и всю Мглищиною, с городом Мглином, п. литовский воевода троцкий Николай Абрамович до Хмелницкого войны. Когда гетман Б. Хмелницкий с казаками, в яком чину дед мой и отец найдовалися, из Украины выбил ляхов, стала быти вся Мглищина во владении гетманском и – оные восемь двориков в том же заведованю войсковом найдовалися... А в 1713 г., полковником Лук. Жоравкою ствержена в мое владение».*

Лазаревский пишет, что это сообщение Ивана Есимонтовского может быть верным только в том случае, если не его отец, а его дед был основателем Симонтовки. Но более вероятно, что Симонтовка поселена была Николаем Абрамовичем, так как после изгнания поляков село это поступило в ведение мглинской ратуши. Действительно, в 1650 г. село Симонтовка упоминается в «Инвентаре волости Мглина» как владение Николая Абрамовича, скорее всего, им же и поселенное. В это время в Симонтовке насчитывалось лишь 11 дворов поселенцев. Есимонтовские выпросили себе Симонтовку только у гетмана Скоропадского, когда уже могло и не быть тех, кто помнил, что Федор Есимонтовский был лишь только одним из ее жителей³.

В 1669 году Федор Есимонтовский значился мглинским казаком, а его брат Андрей был уже мглинским сотником. Сын Федора, Иван, став сотником, расширил земельные владения и в самой Симонтовке, прежде всего, за счет скупки земель у местных казаков, что он продолжал делать и после того, как оставил сотенный уряд. Причем в купчих называется то «паном», то «казакom».

В 1665-1666 годах стародубский полковник Александр Острянин выдал универсал Ивану Федоровичу Есимонтовскому на строительство гребли и млина на р. Воронусе ниже с. Шумарова.

³ Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Полк Стародубский. – Белые Берега, 2008.

В одной жалобе сыновей Ивана Федоровича, Афанасия и Алексея, на Александра Меншикова читаем:

«Наш зять Иван Романовский, оженившись на сестре нашей и живючи несколько лет в дому отца нашего, фундушевый универсал полковника Острянина на занятие гребли ниже с. Шумарова, з неумеетного писма нашего отца, тайным способом взял, читаячи другие писма, о чом многократно покойний отец наш бывало подростим нам, сказует и тим помянутий зять наш учинил немалую обиду отцу нашему...»

Позднее Иван Романовский, будучи хорошо грамотным, стал заметным человеком в г. Мглине и без особого труда попал на место тестя, став мглинским сотником не позже 1688 г.

Этой деятельностью по созданию плотин и строительству на реках края мельниц Есимонтовские занимались с большим размахом. Так, 22 ноября 1674 г. Иван Федорович вместе с Мглинским сотником Павлом Лосенком и казаком Семеном Нечаенком, получил универсал полковника Петра Рославца, разрешающий им *«ново греблю займовати на рецы Судынцы и Беловодци в полку Стародубовском, уезде Мглинском, и млин будовати своим коштом, працею и накладом».*

11 марта 1690 г. он снова получил универсал уже от полковника Михаила Миклашевского с позволением *«на речце Беловодце против двора Летягина и вишей в концу с. Нетяговки... на сиром кореню власним своим коштом, працею и накладом заняти греблю и на оной ку вспартю своему домовому построити... млин вешняк».*

По купчей 1696 г., мглинский мельник Васько Кондратович *«часть свою третью мелницкую у млине под городом (Мглином), на Судинце речце стоячей, продав увечность пану Ивану Феодоровичу Есимонтовскому».*

Дело Ивана Есимонтовского продолжили его сыновья – Афанасий и Алексей. Оба брата, Афанасий и Алексей, после смерти отца продолжали жить вместе в Симонтовке, даже и поженившись. При них жила и мать, которая, вероятно, и препятствовала разделу.

Пользуясь близким родством с заступившими после отца мглинскими сотниками, Романовским и Турковским, братья Есимонтовские пользовались влиятельным положением в сотне и, не занимая еще никаких урядов, вели «скуплю» земель в значительных размерах, причем купчие писались большей частью на имя обоих братьев. Покупки эти производились в таких масштабах, что Есимонтовские могли на купленных землях не только строить водяные мельницы, но и садить целые слободы. «Скуплей» Есимонтовские значительно увеличили отцовское наследство и в 1708 г. считались уже в числе мглинских богачей.

12 июня 1700 г. Афанасий, вместе с братом Алексеем, получил универсал Михаила Миклашевского на занятие гребли и постройку млина на р. Беловодке выше их нетяговского млина, *«за значние отца их и их самих верние в войску запорожском ронення служби».*

1 апреля 1704 г. братья получили гетманский универсал на Заречье с. Чешуек («Малым Зариччем зовомое») с разрешением построить новый млин на р. Судынке и осадить около него слободку «для охранения».

29 апреля 1704 г. Афанасий вместе с братом получил гетманский подтвердительный универсал на *«клетку, куплею набытую Курчицкую о двух колах мучных, а третом валушовом, на речце Воронусе стоячую, на млин, под г. Мглином стоячий, о двух колах, своим коштом занятый на речце Судинце, на млин Нетяговский на речце Беловодце, своим коштом занятый, о двух колах, на млин на речце Беловодце о двух колах, своим коштом занятый, на шляху от Мглина идучого до с. Дрокова будучий, на млин Лопазинский на речце Лопазенце, своим коштом занятый, о двух колах, одном мучном, а другом валушовом, которые то млины все в сотне Мглинской найдутся».*

18 июня 1706 г. Афанасию и Алексею гетман Мазепа выдал универсал на грунты дегтяревские на р. Осинке с правом осадить на них слободку, построить хутор и млин, и засыпать греблю: *«...за мужность и отвагу, якою он (Афанасий) подчас погрому, Божиим попущением в Несвежу ставшогося од неприятеля шведа на полк Стародубовский, з некоторим товариством в кляшторе запершиися и не поддаючися, его неприятеля постудил, а товарищество, при себе будучое, от пагубы неприятельской сохранил и освободил».*

Будучи женат на дочери полковника Федора Мовчана, Афанасий Есимонтовский по универсалу 1708 г. выпросил себе у гетмана и село Тютюри, которое принадлежало его тестню, погибшему в походе. Это село вдова Мовчана фактически отдала уже раньше своим зятьям – Есимонтовскому и Григорию Дорошенко. В универсале Мазепы о с. Тютюри говорится: *«...перед Чигиринским походом наданное Мовчану небожчику, полковникове Стародубовскому, который в той же экспедиции Чигиринской на службе монаршой их царского пресветлого величества будучи з полком своего товариства, и против неприятеля бесурмана мужественно становячися, полегл славне, и от Чигиринского (походу) в послушенстве панеи Мовчановой бывшое, а перед сим, яко зятеве, п. Есимонтовскому по универсалах приверненное».*

17 декабря 1708 г. Афанасий получил универсал гетмана Скоропадского, который, *«знаючи о его згодних в войску запорожском давних и теперешних при належитой верности услугах и працах и респектуючи подчас нашествия неприятеля шведа ему ж понесенные неменьшие шкоды и в обложенью Мглинском против того ж неприятеля его мужественную отвагу, жил неусипно працюючи и застановляючихся тамошних людей, при себе будучих, от внезапного нападения неприятельского оборонял, а его, неприятеля, за своим мужественно отважным и добропорядочным приводом, под фортецею Мглинскою штурмуючого, немало положивши трупом, завстидил и воспятил».*

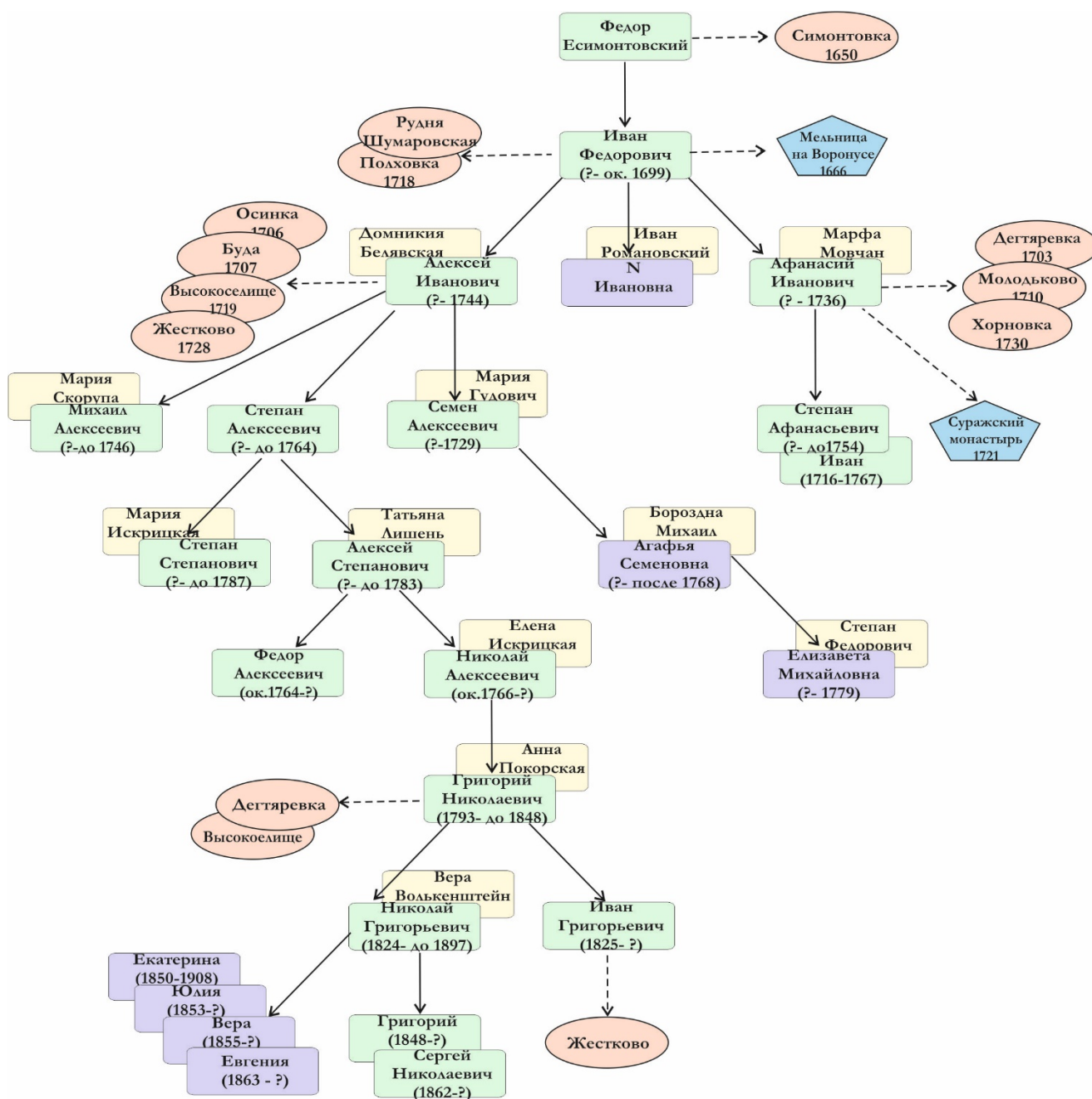
Несмотря на попытку в канун наступления шведов бежать из г. Мглина, а затем, принужденный горожанами к возврату, Афанасий так оценивает свое участие в защите города от нападения шведов: *«...по вступлению короля Шведского с его войсками в Малую Россию, будучи я в обложенью в городе Мглине, с тамошними обывателями оборонялись от того неприятеля, на приступ многое число шведов убито за моим приводом из города».*

Кипучая деятельность Афанасия не прекращается и после падения Мазепы. Так, 11 июня 1710 г. он получает гетманский универсал на занятие гребли, постройку млина и хутора на р. Войловке, в грунтах с. Осколкова (впоследствии дер. Полховка).

Когда в 1710 г. мглинский сотник Турковский сделан был «господарем Гадяцкого замка», на место его был поставлен Афанасий Есимонтовский. Сотником

Есимонтовский пробыл не менее пяти лет (1708–1715) и оставил этот уряд не по своей воле, так как младший его брат в одном письме говорит, что сотничество у старшего брата «было отобрано». Отобрано оно было, по-видимому, при участии Меншикова, так как Есимонтовского заменил чужой мглинчанам человек – Максим Бороздна, который ревностно подлаживался к тогдашнему владельцу Почепа Меншикову.

Лишившись сотничества, Афанасий Есимонтовский оставался вовсе без уряда до прихода на гетманство Даниила Апостола, когда сделан был прямо полковым обозным, уряд которого занимал едва ли не до самой смерти.

Родословная рода Есимонтовских⁴

⁴ Модзалевский. В. Малороссийский родословник. Т. 1–5. – Киев, 1908 – 1914.

Афанасий Иванович Есимонтовский оставил о себе память, основав Суражский мужской монастырь, за свое чудесное спасение под Несвижем 19 марта 1706 г., где был убит стародубский полковник Михаил Андреевич Миклашевский и много других стародубских полчан.

Как сообщает предание, во время русско-шведской войны гетман Мазепа, чтобы избавиться от неудобного командира Стародубского полка Миклашевского, отправил его полк, в котором служил Афанасий Есимонтовский, навстречу шведскому войску, заранее предупредив шведов о наступлении казачьего отряда. В результате полк попал в засаду.

Завязалась неравное, кровопролитное сражение. С поля битвы почти никому из казаков уйти живым не удалось. Среди немногих случайно уцелевших счастливчиков был и Афанасий Есимонтовский. В честь своего чудесного спасения он дал клятву построить на свои средства монастырь, что и сделал в год окончания Северной войны со шведами в 1721 году.

По описанию конца XVIII века монастырь Суражский Благовещенский мужской *«близ деревни Суражич лежит на возвышенном косогоре, обнесен деревянною оградю»*. Монастырь имел так же и второе название – Волосовицкий. В нем было две деревянные церкви и кельи.

Деревня Суражичи при р. Ипути впервые упоминается в 1650 г. в Инвентаре волости Мглина как владение Николая Абрамовича, скорее всего, им же и поселенное как слобода на берегу Ипути. В 1650 г. в д. Суражичи насчитывалось лишь 7 дворов первых поселенцев. Официальная версия о том, что г. Сураж Брянской обл. был основан в 1618 году, не имеет реального документального подтверждения.

В письме Российского государственного архива древних актов (РГАДА) от 10 апреля 2017 г. сообщается, что в тексте Деулинского договора о перемирии между Московским государством и Речью Посполитой от 1 декабря 1618 г. говорится о г. Сураж, который ныне принадлежит Белоруссии, а упоминание о д. Суражичи отсутствует⁵.

В 1781 году поселение Суражичи, большею частью монастырское, было названо уездным городом Суражем. Из грамоты Антония Стаховского видно, что устроителем Суражского монастыря был монах Симеон Луцинский. Но просуществовал монастырь недолго. В 1786 г., при Екатерине II, он был закрыт, а монастырская церковь Благовещения Пресвятой Богородицы была перенесена в г. Сураж. Настоятелями Благовещенской церкви Суражского монастыря были священник Иларион Галчин (1758) и священник Андрей Яковлевич Высоцкий (1811).

Афанасий имел двух сыновей – Ивана (1716–1767) и Степана (?–до 1754), а также трех дочерей. Иван Афанасьевич в 1740 г. служил при генеральном обозном Якове Лизогубе. Степан Афанасьевич был женат на дочери известного автора

---

⁵ РГАДА ф. 79 «Сношения России с Польшей», оп. 3, д. 58, л.1.

«Дневных Записок» Якова Марковича. Одна из дочерей Афанасия, Евпраксия, была выдана за стародубского полкового писаря Степана Максимовича, а другая, Домникия, – за есаула генеральной артиллерии Семена Карпеку.

Младший сын Ивана Есимонтовского, Алексей, был поставлен сотником на место Максима Бороздны в июле 1723 г., когда Малороссией правил Вельяминов. В «указе» генеральной канцелярии, за подписью Вельяминова, Жураковского и Лизогуба, читаем:

«Полковникове наказному Стародубовскому г. Чарнолузскому зо всю старшиною того полку, объявляется: понеже по согласном всех сотнян мглинских желанию и по общем их прошению, поставлен сотником мглинским Алексей Есимонтовский, знатний полку старод. товарищ, респектом служб войскових деда и отца, и самого его, и по указу на верность императорскому величеству к присяге приведен, того ради атаманя и товариство тоей сотне, ведая его совершенним начальником, подобающее ему до войскового и гражданского сотенного правления и порядков стягающеся, отдавали послушенство и повиновение. Он теж, Алексей Есимонтовский, новоучрежденный мглинский сотник, взаимним способом з сотнянами тамошними обходително и безобидно надлежащую управою поступати меет да и коммендере полковому послушним быти всегда повинен. О чом г. полковник наказный стародубовский знаючи за объявлением сего указа, должен одправить кого пристойно в место Мглин и при собрании сотне тамошней товариства, вручить корогов ему, Есимонтовскому, без замедления».

Алексей Иванович пробыл мглинским сотником почти десять лет (1723 – 1732) и значительно увеличил за это время свое земельное имущество, скупая или отбирая за денежные долги всякого рода земельные угодья, в разных местах Мглинской сотни.

27 июля 1713 г. Алексей получил универсал полковника Лукьяна Жоравки на 8 дворов в Есимонтовке, а также право осадить млин близ млина Максима Бороздны на р. Лопазна. В 1719 году Алексей поселил в Мглинской сотне с. Высокоселище, на которое получил универсал того же стародубского полковника Лукьяна Жоравки.

9 декабря 1727 г. он получил гетманский универсал на 8 дворов в с. Есимонтовке и разрешение осадить слободку в урочище Жасткове. Купил у Павла Дублянського дер. Писаревку, в которой за ним было 6 дворов и бездворных 3 хаты. Имел в Буде 26 дворов и бобылей 17 хат, в Симонтовке – 7 дворов и бобылей 30 хат, в с. Овчинец – 2 двора и в Старом Дрокове – 6 дворов. Поселил дер. Жастков. Жил в с. Симонтовке, где и умер в 1744 г. Таким образом, доставшееся от деда и отца внушительное наследство, братья Афанасий и Алексей активно наращивали.

15 декабря. 1732 г. по завершении сотничества Алексей получил следующий универсал гетмана Даниила Апостола:

«Сим нашим ознаймуем универсалом, иж сотник Мглинский пан Алексей Есимонтовский чрез поданную нам свою супплеку просил нас, абысмо его, пана Есимонтовского, уволили от сотничества для болезни сердечной и головной, не оттепер ему приключившойся и в прошлом 1726 году в Низовом Персидском походе отновившойся, для тамошного тяжкого воздуха, о чем имеет ся у его и аттестат, а приказали ему пану Е-му отпраковать службу под главным нашим знаком бунчуком, понеже он, пан Е-ий, имеет сынов своих, которые под бунчуком войсковую могут отбывати службу. Мы прето гетман и кавалиер, прошению его, пана Е-ого, давшие у себе месце, а респектуючи на его

вернорадетельные в войску запорожском нелениво роненные службы, и в сынах его до войсковой службы усмотривая всякую згодность и способность, як от чину сотничества Мглинского его, пана Ес-ого, по прошению оного, уволили, так его ж, пана Алексея Е-ого, з сынами оного Василием, Федором, Стефаном и Михайлом приймаем в нашу гетманскую протекцию и оборону, определяючи им отправовать службу под главным нашим знаком бунчуком, зачим абы нехто з старшины и черне, а особливе пан полковник Стародубовский з п. п. старшиною полковою и сотниками, до помянутого пана Алексея Ес-ого и до означенных синов его, п. п. Василия, Федора, Стефана и Михайла, не в чом не интересовались и до судов полкового и сотенного не привлекали б, но если бы имел хто к ним якую претензию, тот должен искать з них у нас гетмана суда и сатисфакции».

После получения этого универсала Апостола, Алексей Есимонтовский послужил еще пять лет бунчуковым товарищем и уволен был в отставку «за старость лет и весма крайнюю драхлость».

У Алексея было шесть сыновей – Семен, Василий, Федор, Степан, Михаил и Алексей. Старший – Семен, женатый на дочери Андрея Гудовича, умер в 1729 г., оставив одну дочь. Младший – Михаил, женатый на дочери Григория Скорупы, Марине, умер бездетным в 1746 г.

Мужское потомство оставлено было средним братом Степаном Алексеевичем, у которого было два сына Степан и Алексей. Эти Есимонтовские были знатными товарищами (Степан – бунчуковым, Алексей – войсковым). Степан Степанович, отдал часть своих крестьян зятю Семену Карповичу Ноздре, в приданое за своей дочерью.

Алексей Степанович, женатый на Татьяне Андреевне Липень, оставил двух сыновей Федора и Николая, последний, женатый на Елене Григорьевне Искрицкой, имел в конце XVIII в. до 1000 крестьян. В начале XIX века сын Алексея Степановича – Николай, выкупил у своей сестры Анастасии Ольшанской 17 дегтяревских дворов и владел ими около 20 лет. Впоследствии собственность Николая Алексеевича унаследовал его сын Григорий Николаевич Есимонтовский – ученый-агроном, помещик Суражского повета, один из лучших хозяев Черниговской губернии, автор книги «Описание Суражского уезда»⁶.

Григорий Николаевич родился 20 мая 1793 г. в с. Высокоселище. С 1809 г. воспитывался в Благородном пансионе императорского Московского университета. В 1813 г. окончил курс Московского университета. По окончании университета служил в Экспедиции о государственных доходах и в Кенигсбергской ликвидационной комиссии.

С 1 января 1824 по 2 июля 1825 г. Григорий Николаевич – хорунжий Суражского уезда, где стал известен, как один из лучших хозяев северной части Черниговской губернии. Был женат на Анне Ивановне Покорской, вероятно, дальней родственнице Александра Ивановича Покорского-Жоравко. Григорий Николаевич умер в возрасте 52 лет и был похоронен в Высокоселище.

---

⁶ Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда Черниговской губернии. – СПб, 1846.

Основатель железного завода и слободы Рудня Шумаровская полковник Петр Рославец и его судьба

В 1663 г. полковником Стародубского полка стал Петр Рославец. Воспользовавшись неограниченной властью полковника, он отнял мельницу у Есимонтовского. А на гребле Есимонтовского рудню устроил и рядом поселение основал.

В поданной по этому поводу жителями села Шумарова жалобе гетману Апостолу рассказана ранняя история села за время Гетманщины.

«Мы, казаки, стрельцы и мужики села Шумарова, супплекуем ... в том, что когда Иван Есимонтовский в прошлых годах уфондовал млин на реце Воронице, ниже села нашего, прежде полковничества Петра Рославца, и оным млином владел килко лет, тогда нам шкоды жадной от того занятя не було; когда ж Петро Рославец зоставши полковником стародубовским, не ведая яких ради причин, оный млин у помянутого Есимонтовского отнял и своей греблею затопил и на оной рудню устроил, тогда на поселение рудником, немало у нас грунту отнял, также и тим отнятем стиснил нас велми»⁷.

Так, в конце 60-х годов XVII века возникла слобода Рудня Шумаровская.

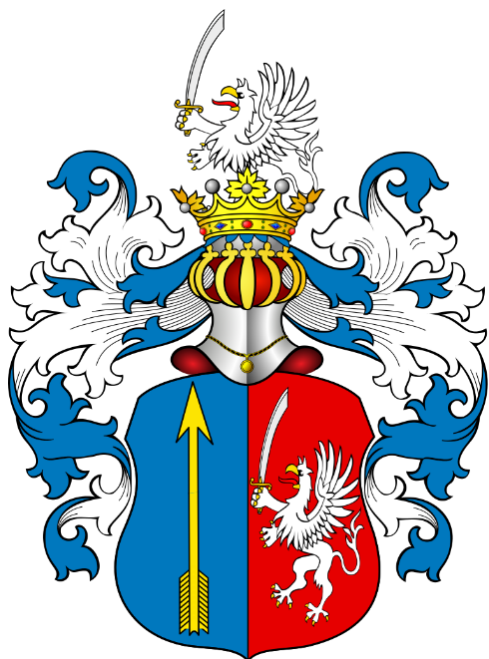

В лес за грибами через Рудню Шумаровскую, 1966 г.

Впереди – Ломако Григорий Варфоломеевич; слева – направо: приемная дочь Григория Надя и его жена Ида, моя жена Ломако Галина Александровна и мой младший брат Николай.

---

⁷ Украшський архів. Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. Т. 1. – Кшв, 1929.

Герб рода Рославцев

Об основателе своего рода Рославцы рассказывают, что, якобы, он был из Ходкевичей, который служил каким-то урядником в Рославле, но перейдя на жительство в Почеп, стал зваться Рославцем. Впрочем, никакими документами предание это не подтверждается.

Герб рода Рославцев, внесенный в VI часть родословной книги Черниговской губернии, имел щит, разделенный на две части. В голубом поле левой части изображена золотая стрела, обращенная остроконечием вверх. В красном поле второй части находится серебряный гриф, стоящий на задних лапах, обращенный в левую сторону и держащий в правой лапе меч. Щит увенчан дворянским шлемом и короной, над коей

находится до половины выходящий гриф, изображенный в щите.

О родоначальнике рода Рославцев, Иване, известно, что он жил во второй половине XVII в. в Почепе. У него было четыре сына – Петр, Авдей, Андрей и Иван.

Авдей Рославец вышел в люди благодаря влиянию старшего брата, стародубского полковника Петра Рославца и женитьбе на богатой вдове Агафье, которая, *«...овдовевши, мела свое господарство порядное и килко сот золотих готовизны. Авдей Рославец при отцу и брату своем мешкаючи, не мел достатку жадного, який би до житя человеку был доволен <...>. Авдей при брату своему полковникуючому, был чрез килка на десять лет в Почепове сотником, якая его фортуна при ласце рейментарской и войсковой во всякие достатки богатила...»*

Так рассказывал почепской мещанин Горбатовский в 1679 г., когда по смерти сначала Авдея Рославца, а затем вслед и жены его, гетман Самойлович прислал в Почеп канцеляриста Василия Кочубея для распределения наследства бездетно умерших супругов между их родичами. Наследство Авдея Рославца отдано было его племянникам, сыну Петра – Семену (Самуилу) и сыновьям Ивана – Михаилу и Лукьяну, хотя в это время был еще жив и сам Иван Рославец, который 2 февраля 1670 г., пользуясь влиятельностью своего брата Петра, получил универсал гетмана Многогрешного:

«Поглядаючи мы на щырие и верные заслуги пана Петра Рославца, полковника Стародубовского, который за достоинство великого государя его царского пресветлого величества и за войско Запорозкое противко кождых неприятелей наступающих мужне застановлялсе, прето в нагороду тых его праць пану Ивану Рославцеву, брату рожоному его, обивателеви Почепскому, млин у селе Ишове, стоячий на реце Псе, як ся в себе меет зо всем доходом двох мерочок, на войско припадаючих, опроч медницкой третьей, до дальней ласки войсковой на одбиранье и спокойное держанье сим универсалом надаем».

А в 1680 г. Ивану Ивановичу дал уже гетман Самойлович, заступивший вместо обвиненного в измене Многогрешного, следующий «лист» на проезд по торговым делам в Литву:

«Оказатель сего листу нашого п. Иван Рославец, житель и купец почепский, меючи первые себе в гандлях звычайных з купецкими ж людми в Смоленску и в иных городах в вел. князстве литовском мешкаючи, заводы и потребности, теперь за ведомом нашим, едет туда для справованя оных, которому тебды абы в завзятой дорозе всюду зуполная вера была дана и доброволне без жадной турбацие оного туда простоючого и назад до Почепова поворочаючого, пропускано...»

Судьба братьев сложилась так, что именно из потомков Ивана Ивановича Рославца выйдут предводители дворянства нашего края.

Самым известным из четырех братьев стал стародубский полковник Петр Иванович Рославец, который оказал особое влияние на судьбу края. Петр Иванович – фигура настолько неординарная в ряду других руководителей полка за почти 120 летний период его существования, что заслуживает более детального освещения.

Гетман Брюховецкий Иван Мартынович

В 1654 году Петр Иванович был почепским сотником. Хотя Петр был неграмотный, но энергии, предприимчивости, смелости ему было не занимать. В течение жизни его несколько раз назначали стародубским полковником и несколько раз снимали.

Когда в 1663 году гетманом Брюховецким был образован самостоятельный Стародубский полк, Рославец был назначен полковником нового полка. Получению такого высокого уряда, Рославец обязан был, по-видимому, лишь своим способностям, которыми он выделялся из среды полкового «товариства»⁸.

Однако уже в том же году Брюховецкий отстранил Петра Рославца от должности и назначил вместо него из среды «гультайства Запорожского» Ивана Плотника, из которого происходил и сам гетман.

В 1667 г. на Левобережье начинает расти недовольство Андрусовским перемирием, разделившим Малороссию на две части и оставившим Правобережье во власти поляков. Недовольство было вызвано проведенной в 1666 г. переписью населения, новыми налогами, новыми русскими гарнизонами, появившимися в малороссийских городах, своеволием московских «ратных людей».

Возмущение вызывали и злоупотребления властью русских воевод. Воеводы, появившиеся в Стародубе лишь вначале 1666 г., спустя несколько месяцев уже успели приобрести значительные земельные владения. В переписных книгах за

⁸ Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Полк Стародубский. – Белые Берега, 2008.

стародубским воеводой, князем Игнатием Григорьевичем Волконским, была записана деревня Борщово с 99 дворами.

Утратил авторитет и гетман. Чтобы укрепить свое положение, Брюховецкий на антирусской волне организует заговор и в 1668 г. вторично назначает Петра Рославца стародубским полковником, рассчитывая на его популярность в одном из главных полков Малороссии. Но Рославец не разделял замыслов гетмана, он становится решительным сторонником сближения с Москвой и находит поддержку своим замыслам у архиепископа Черниговского и Новгород-Северского Лазаря Барановича, пользовавшегося особым доверием царя Алексея Михайловича.

В самом начале января 1668 г. в г. Гадяче Брюховецким созывается рада, где было принято решение об уничтожении русских гарнизонов в городах. В это время Стародубский полк вместе со своим полковником и артиллерией находился в Каневе, поэтому Петр Рославец в раде заговорщиков не участвовал.

Самовидец так написал об этом событии: *«На початку року того о Богоявленни зъехалися усе полковники в Гадяче, и гетман Брюховецкий учинил раду з полковниками, судьями и усею старшиною и поприсягли себе, же юже конечно отступили от его царского величества и по Орду слати и воевод и Москву з городов отсылати, албо с ними битися...»*

Тактика Брюховецкого состояла в том, чтобы, собрав максимальное количество казаков в городах, где стояли русские гарнизоны, одним ударом их ликвидировать.

В январе 1668 г. киевский воевода Петр Шереметев доносил царю, что казаки, мещане и посполитые в Батурине, Глухове *«учинили шатость великую»*, и стали *«ни в чем не послушны»*. В конце января стародубский воевода Игнат Волконский доносил царю, что стародубский полковник Рославец, приведший полк из Канева, *«сказал, что де по сему боку Днепра татары и изменник Дорошенко с казаками идут, и учинил сполох (объявил тревогу – Е.А.), и полк свой изо всех городов собрал в Стародуб, и в большом городе по воротам поставил своего полку казаков человек по тридцати, и на плече учиня человек по сту и всем велит готовыми быть неведома для чего»*.

В последнем письме воевода жаловался, что московских стрельцов, направленных ему на выручку, *«не пропускает ко мне холопу твоему, изменил тебе, великому государю...; и я холоп твой с твоими великого государя с ратными людьми, сев в верхнем городке, и твоих государевых ратных людей с собою укрепил, сели до смерти»*. Далее князь Волконский извещал, что ему трудно защищаться, что с ним всего 250 человек, а пушечных запасов и пороха мало.

8 февраля казаки по приказу гетмана Брюховецкого напали на русских ратных людей в Гадяче, перебив около половины русского гарнизона. Разбиты были почти все гарнизоны царских войск Левобережья. Стародуб был взят казацкими полковниками Сохою и Бороною. Русский гарнизон под командованием князя Волконского, укрывавшийся в стародубском замке, был перебит и пленен, а сам воевода убит.

Все это красноречиво свидетельствует о том, насколько неустойчивым было в то время положение на Левобережье: непостоянство, двуличие, «подставы», все это входило в набор средств, годившихся для достижения главной цели Брюховецкого – получить гетманскую булаву и стать главой «обеих сторон Днепра».

События на Левобережье попытался использовать правобережный гетман Дорошенко, который, опираясь на помощь татар и турок, разгромил польские войска и овладел всем Правобережьем. Брюховецкий был нелюбим казаками Левобережья, поэтому приход сюда Дорошенко со своими войсками вызвал в июне 1668 г. восстание против Брюховецкого. Брюховецкий был убит, а гетманом обеих сторон Малороссии провозгласил себя Дорошенко. Но народ, не желая идти в подданство мусульманской Турции, не поддержал гетмана. Дорошенко ушел с Левобережья, а наказным гетманом здесь оставил черниговского полковника Демьяна Игнатьевича Многогрешного.

Петр Рославец и Демьян Многогрешный становятся решительными сторонниками сближения с Москвой. Они просят Черниговского и Новгород-Северского архиепископа Лазаря Барановича, пользовавшегося особым доверием царя, ходатайствовать за малороссов и заявляют, что согласны быть в подданстве России, если царь простит Войско Запорожское за смуты при Брюховецком и оставит их в прежних вольностях.

Соединившись с Многогрешным, Рославец поспешил, в первых числах октября 1668 года, присягнуть царю на верность и тут же уговорился с будущим гетманом Многогрешным, *«чтоб друг на друга быть надежным»*.

Гетман Демьян Игнатьевич Многогрешный

Архиепископ Черниговский и Новгород-Северский
Лазарь Баранович

Архиепископ Баранович справился с миссией посредника и уже в начале октября 1668 года передал Рославцу благожелательные царские грамоты. 4 ноября 1668 года царь Алексей Михайлович пожаловал грамоту гетману Многогрешному и стародубскому полковнику Петру Рославцу с прощением их за бывшие смуты: *«...вы гетман и Стародубской полковник Петр Рословченко и все при вас будущее посполство, вспомятовав свое прежнее обещание и нашу государскую к себе премногую милость и*

жалованье, нам великому государю, нашему царскому величеству, в винах своих добили челом и на верное вечное подданство пред святым евангелием веру учинили. И мы великий государь... вас и все будущее посолство сее стороны Днепра жалуем, вины ваши, в которых вы были за повождением изменника и клятвопреступника Брюховецкого, милостиво отпускаем и под нашу государскую высокую руку принимаем... Такова ж послана в Стародуб к полковнику к Петру Рославченко».

Пользуясь покровительством нового гетмана Многогрешного, Рославец сделался полным властителем Стародубщины и начал бесконтрольную раздачу земель полковой старшине. Распоряжаясь войсковым имуществом, Рославец не забывал и себя, отчего сильно разбогател, нажив при этом много врагов и завистников. С 1672 г. и Многогрешный стал ему завидовать и хуже к нему относиться. Видя нескрываемую неприязнь к себе гетмана, Рославец отказался от уряда, но Многогрешный, опасаясь интриг, решил посадить его в Батуринскую тюрьму.

Однако, еще до своего заключения, Рославец успел написать письмо своему покровителю архиепископу Лазарю Барановичу, который немедленно обратился к гетману с горячим ходатайством за полковника. В ответном письме своем к Барановичу, от 2-го февраля 1673 года, гетман оправдывался указанием на жалобы стародубских казаков.

В марте 1672 г. казацкие старшины (генеральный обозный Петр Забела, генеральные судьи Иван Домонтович и Иван Самойлович, генеральный писарь Карп Мокриевич, а также полковники – переяславский Дмитрашко Райча, нежинский наказной Филипп Уманец и стародубский Петр Рославец) организовали заговор против Демьяна Многогрешного. Старшины арестовали гетмана в Батурине и отправили его в Москву. Генеральный писарь Карп Мокриевич и Петр Рославец доставили скованного Демьяна Многогрешного в русскую столицу. В мае 1673 г. царское правительство приговорило бывшего гетмана Многогрешного и его брата Василия к смертной казни, которая в последний момент была заменена на ссылку в Сибирь. Освободившись от грозившей ему опасности, Рославец в 1673 г. опять назначается Стародубским полковником.

При новом гетмане Иване Самойловиче Петр Рославец стал очень богат и заслужено пользовался большим авторитетом у других полковников Малороссии. Самойлович обращался с ним дружелюбно, но всегда с осторожностью.

В полку Рославец имел практически неограниченную власть и за время службы непомерно обогатился. Много строил мельниц, умудрился каким-то образом завести мельницы даже в Трубчевском уезде, не входящем в состав Малороссии. На Стародубщине было развито винокурение, и Рославец вел широкую торговлю горилкой. В частности, он подряжался поставлять вино в Москву. Так, Рославец 29 ноября 1674 года в письме к боярину Матвееву, просил *«подрядную нам дати на вино, на колко сами милость ваша изволите ведер, а у нас вино в готовности пребывает...»*

Имея громадные богатства, и привыкнув за продолжительное время своего пребывания на уряде полковника к неограниченной власти в своем полку, Рославец стал тяготиться зависимостью от гетмана и задумал поставить Стародубский полк в положение слободских казачьих полков, на которые гетманская власть не

простиралась. Мысль эта возникла у Рославца от беседы с сумским полковником Герасимом Кондратьевым, который со своим полком, населенным чистокровными малороссиянами, не подчинился гетману.

Рославцу казалось, что это должно было поддержать и московское правительство, так как оно само прежде принимало малороссийских поселенцев, отводило им привольные земли, утешало обещаниями хранить малороссийские права и обычаи, но не отдавало переселенцев под управление гетмана.

В июле 1676 г. Рославец начал распространять эту мысль среди своих полчан. Некоторые поддержали этот замысел в ожидании царской милости, но далеко не все. Полковые старшины и «значные» стародубские казаки сообразили, что пока гетман Самойлович пользуется в Москве доверием и благосклонностью, едва ли там пойдут навстречу одному из подчиненных полковников, и вряд ли поверят обвинениям, которые этот полковник должен будет возводить на гетмана, чтобы оправдать свое желание выйти из-под его зависимости.

Гетман Левобережного Войска Запорожского Иван Самойлович

Они дали знать гетману о затее своего полковника и просили позволить им выбрать, вместо Рославца, иного полковника. Самойлович разрешил перевыборы и распорядился разместить в Стародубе особый «охотничий» конный полк Ильи Новицкого. В обязанности нового полка входило подслушивать *«всякие сорные и смутные слова»*, подмечать *«всякие шатости и измены»*, какие затевают выдающие себя за казаков *«пахотные мужики, бутники, винокуреники»* и прочие, а *«своевольных унимать по своим правам»*. Содержать этот полк обязаны были жители тех мест, в которых он был расквартирован. Это состояние называлось стоять «на леже». Вот такой полк «на леже» и был расположен в 1676 г. в Стародубском и Черниговском полках с задачей тайно

наблюдать за развитием событий.

Рославец понимал, что надо либо бросить затеянное дело и принести гетману повинную, либо отважиться на решительную борьбу с гетманом и самому ехать в Москву. Он решил ехать и обратиться к царю.

Об этих событиях в Стародубе свидетельствует документ из судебного дела Рославца, составленный стародубским атаманом Тимофеем Алексеевым, заменившим Рославца на полковничьем уряде.

«Приехав Петр Рославец из Почена в Стародуб, и призвав нас всю старшину к себе, объявил нам свое намерение, так говоря: что, господа товарищи, что уже я конечно хочу отлучиться из-под regimentу господина гетмана Ивана Самойловича, чтоб его не слушати, и прямо отъезжаю к Москве к царскому величеству добивати челом, чтоб я уже так как слободцкие полки за указом царским, а не гетманским, с вами исправлял воинскую службу... Для чего и вы старшина полковая и сотники, взяв по четыре товарища с собою и запасов на четыре недели, со мною поедите: понеже, что я умыслил, и то уже все исправил у царского величества нежинский протопоп, и все дела готовы там застанем. А как мы, усомнясь тому, начали его от того отводить, и он на наши слова не соизволил; а мы и паче на его слова не поволя, взяли раду ехать к господину гетману. Для чего он с таким ответом отозвался, рек: не хотите ехать со мною, а после того будете желети и не отжелеете. И так, побрав знаки войсковые полковые и знамена, побежал из Стародуба будто к Москве, в Почеп... Также мешан при выезде тихо наговаривал, что б при нем стояли, город заперли, обещаюся им ко обороне некаких людей 1000 или 2000 прислати; толко ни один тое его глупости не слушал. И то объявление было 1676 году, месяца июля в 12 день».

Несмотря, однако, на уверенность, с которой Рославец говорил о легкости осуществления его плана, старшина полка от предложения разделить риск со своим полковником отказалась. *«Будете жалеть и не отжалеете»*, – сказал Рославец, – *«и побрав знаки войсковые полковые и знамена, побежал в Москву».*

В Москву с Рославцем выехала значительная делегация – полковой есаул, полковой писарь по прозвищу Подгурский, 4 сотника, 3 городских атамана, 18 сотенных чинов, 47 рядовых казаков, трубачи, литаврщики и 32 челядника. Лошадей под ними было 177. Самойлович объяснял, что чиновные люди, с Рославцем поехавшие, были не те, которые занимали должности в то время, когда он сообщал полчанам о своей затее, а «новье», которых Рославец, пред своей поездкой в столицу, возвел в чины.

Вначале Рославец был принят в Москве с подобающей честью, ему отвели помещение на посольском дворе. Рославец попытался скомпрометировать гетмана в глазах царя, обвинив Самойловича в измене. В числе прочих обвинений в адрес гетмана, Рославец указывал, что Самойлович широко практиковал создание так называемых «охотничьих» отрядов – так именовались в те времена наемные воинские подразделения.

В челобитной Рославца было также написано, что гетман без совета со старшинами облагает народ новыми податями. *«Берут от хлеба, соли, от винных котлов по рублю, а от пивных полсорока алтын, от мельничных колес по 3 рубля, и с боровов, и с приезжих торговых людей, которые чрез то не хотят ездить в Стародуб. Берут даже с казачьих мельниц и с казачьих винокурен, берут на двор гетманский всякие запасы: яловицами, баранами, боровами, конопляным маслом, сыром, коровьим маслом, гусями, курами и деньгами. От того уездным людям Стародубского полка учинилась великая налога, многие люди от великих поборов разбежались в литовские города».*

Рославец предлагал правительству, чтобы Стародубский полк с городами Стародубом, Почепом, Погаром и Мглином был изъят из гетманского подчинения и получил статус слободского, а в церковном отношении подчинялся бы непосредственно Московскому патриарху. При этом указывалось, что Стародубщина

издавна была московской отчиной, потом уступлена Польше и возвращена разом с Малороссией, а потому и присоединена к ней. Это был очень смелый шаг со стороны Рославца, поскольку, в случае провала он рисковал навлечь на себя гетманский гнев и угодить под суд. Именно так все и случилось.

Очевидно, что авантюрный демарш Рославца был не отдельной его инициативой, а частью общего заговора против Самойловича, хотя стародубский полковник был ключевой фигурой этой интриги. Среди прочих лиц, поддержавших Рославца, известны имена прилуцкого полковника Лазаря Горленко, переяславского полковника Дмитрашки, бывшего генерального писаря Карпа Мокриевича и нежинского протопопа Симеона Адамовича.

Можно предположить, что в другое время Рославец нашел бы понимание в Москве. Но в то время Московское правительство вполне доверяло Самойловичу и учитывало, что после измен предыдущих гетманов Самойлович неплохо показал себя в борьбе против Дорошенко, который вынужден был уже осенью 1676 г. прекратить борьбу. Кроме того, в последние годы резко обострились русско-турецкие отношения, и России нужна была сильная Малороссия, которая могла бы оказать действенную помощь в борьбе против султана. Рославец ошибся в своих расчетах – Москва приняла сторону гетмана Самойловича.

В Москву прибыл гетманский посланник, киевский полковник Солонина, с товарищами. Призванный в Приказ, он дал объяснение по поводу обвинений, взводимых Рославцем на гетмана. Самойлович через Солонину просил отобрать у Рославца полковничьи клейноды – пернач, знамя, литавры, две пушечки, три медных трубы и суремки, а также шесть лошадей для передачи всего этого новому стародубскому полковнику Тимофею Алексею. После этого было решено Рославца посадить под стражу до царского указа, а всех остальных стародубцев отпустить. Рославец из под стражи бежал, минуя многочисленную охрану. Бросились в погоню, но не догнали. На следующий день, около Смоленских ворот, Рославца случайно встретил и узнал один из стрельцов, который и сдал его караулу. Рославца стали держать закованным в кандалы, а по делу о нем послали к Самойловичу стольника Семена Алмазова.

Самойлович вручил Алмазову в Приказ, в которой просил прислать Рославца на войсковой суд всех старшин, и вместе с нею дал Алмазову для передачи Рославцу письмо такого содержания.

«Рославец! Что это пришло тебе? Без всякой данной от нас причины, сверх ожидания моего и всех украинских людей, учинился ты нам противником, направился туда, куда не должен был ехать, и дерзнул без стыда и страха Божия оговаривать нас пред царским престолом в том, чего нам и не грезилось! Не думаю, чтоб сам собою ты затеял такое шалопутное дело. Кто-то подал тебе в том совет. По чьим возбуждениям ты схватился за такое малоумие? Исповедай все по святой правде перед синклитом царского величества, и тебе самому будет легче. Прежде желательный тебе Иван Самойлович, гетман Войска Запорожского».

Рославец, получивши это письмо, подал в Приказ челобитную, в которой приносил раскаяние и сознавался, что прогневил гетмана и архиепископа Лазаря

Барановича, но уверял, что поступал так без злого умысла и без хитрости, единственно от страха не поехал к ним, а убежал в Москву. Он умолял государя написать к гетману и к архиепископу о прощении ему вины против того и другого.

По этой челобитной послана была прямо к гетману царская грамота, в которой говорилось уже от имени царя то, что прежде Алмазов советовал, как бы лично от себя – чтоб гетман простил преступление Рославца в уважение к его слезному раскаянию. Но эта грамота посылалась уже вместе с отправкой самого Рославца, которого велено было везти к гетману в оковах за крепким караулом из московских стрельцов. Гетман, давши ему прощение, должен был написать к архиепископу, чтоб и тот поступил так же милостиво с виновным.

2 октября в Переяславе Алмазов подал гетману довольно милостивую царскую грамоту, где говорилось о помиловании Рославца. Прочитав грамоту, гетман заявил, что он *«без ... его царского величества, указа и повеления, его Петра Рословца не только смертью казнить, но и никакова наказанья не учинит. Только де ныне всчалось новое...»*

Новым явилось то, что у Петра Рославца был тайный сговор с Нежинским протопопом Симеоном Адамовичем, чтобы гетманом обеих сторон Днепра сделать Дорошенко, а Самойловича убить или поступить с ним, как с Многогрешным. Показания против Адамовича и Рославца дал бывший генеральный писарь Дорошенко. Рославец отказывался, утверждал, что никакого сговора с Адамовичем у него не было, *«и кланялся и лежал перед ним гетманом на земли многое время».*

Самойлович доложил царю о существовавшем заговоре и в конце октября 1676 года получил царскую грамоту, разрешившую судить Рославца и Адамовича войсковым судом: *«...чтоб те оба злобники, протопоп и Рословец, с советники их, по правом и водностям вашим войсковым, у вас могли быть сужены, и для удержания других караны...».* Суд над ними назначен был на 6 января 1677 г. в Батурине. Заседала в суде генеральная старшина при участии полковников, полковых судей и войтов городов Киева, Нежина и Чернигова.

Петр Рославец был приговорен войсковым судом к смертной казни, однако затем помилован царем Федором и по настоянию гетмана сослан в Сибирь с конфискацией имущества на войсковые нужды. Судьба стародубского полковника Петра Ивановича Рославца была решена. 28 июля 1677 г. осужденные Рославец и Адамович были отправлены из Батурина в Москву с сопроводительной грамотой гетмана.

«Изволь ваше царское пресветлое величество указать сослать с Москвы в дальние низовые свои государские сибирские города на вечное заточение, дабы там за то, что согрешили, ... каясь, живот свой скончали... И великий государь указал тех изменников, бывшего нежинского протопопа Симеона и Петрушку Рословца сослать с Москвы на вечное житье в дальние сибирские розные города и в крепкие места, чтоб из тех городов не ушли... А как они на указные места в те города привезены будут, и их держать в тюрьме скованных».

Сосланный Рославец оставил на родине сына с дочерью и трех братьев. Единственный сын его, Семен, был сначала почепским священником; потом пошел в монахи и под именем Самуила был основателем Свято-Троицкого почепского

монастыря, игуменом которого и был до смерти около двадцати лет. После ссылки отца, к Семену перешла лишь незначительная часть имений, потому что все слободы, поселенные Петром Рославцем, гетман Самойлович присоединил к полковым имениям.

Дочь Рославца Агафья, бывшая замужем за одним из стародубских священников, жаловалась в 1695 г. Феодосию Углицкому, что после ссылки отца брат Семен (Самуил), пользуясь ее малолетством, завладел не только отцовским имением, но и тем, которое осталось после бездетного их дяди Авдея. Святитель присудил Агафье *«двор с пляцом, в котором родич их мешкал, в месте Почепе»* и *«два пляца, един за Поповичевую брамою, а другой – за великим огородом»*.

Так трагически завершилась первая попытка Стародубщины отделиться от Малороссии и перейти в непосредственное подчинение Москвы. Только после Октябрьской революции осуществилась мечта стародубского полковника Петра Рославца. Четыре северных уезда Черниговской губернии – Стародубский, Новозыбковский, Мглинский и Суражский, – проведя референдум, смогли, наконец, войти в состав России. События, происходящие на Украине сегодня в Донецке и Луганске, наглядно демонстрируют своевременность и правильность выбора, сделанного в 1918 г. населением нашего края. Однако мы должны помнить, что первым, кто возглавил борьбу за возвращение Стародубщины в состав России, был стародубский полковник Петр Рославец.

Последние владельцы железного завода в Рудне Шумаровской

После ссылки Петра Рославца в 1667 г. в Сибирь, все слободы, поселенные им, гетман Самойлович присоединил к полковым имениям. Очевидно, и Рудня Шумаровская вместе с железным заводом стала войсковой собственностью, что видно из универсала гетмана Скоропадского 17 декабря 1708 г., в котором Рудня на речке Воронусе названа *«войсковой Шумаровской»*.

В 1709 г. А.Д. Меншиков за заслуги в Полтавской битве получил от Петра I в качестве подарка г. Почеп вместе с Почепской волостью, ранее считавшимися гетманским владением. Границы этого подарка *«светлейший князь»*, путем манипуляций с межеванием и *«округлением»* своих почепских владений, последовательно расширял, присоединяя земли соседних областей. В результате к 1720 г. ему удалось значительно увеличить свои владения, захватив земли Мглинской, Бакланской и части Стародубской и Погарской сотен. Подаренные и захваченные земля фактически стали удельным княжеством Меншикова во главе с выстроенным на этих землях городом Александрополем. В черте границ этого *«удельного княжества»* оказалась и Рудня Шумаровская вместе с железным заводом и мельницей Ивана Федоровича Есимонтовского.

Неизвестный худ. Князь Александр Данилович Меншиков, XVIII в., усадьба Кусково

В той же жалобе гетману Апостолу жители с. Шумарова пишут:

«А барзей як достался Почеп во владение князю Меншикову, куда и означенная рудня досталась ... Да за Ивана Белозерецкого, дозорцы Почеповского, оние ж рудники отняли наших сенних покосов воз на 150, лежащих над речкою Вороницею; о которых своих отнятых пожнях, били челом того времени Белозерецкому и по тому нашему челобитью, прислал от себе на розиск некоего Михайловского и тот посланный в самую сущую правду рассмотрел; еднaк же окончания розиску не учинено за скорим нашествием шведским и за отданнем Почепа во владение князю Меншикову...»

В 1747 г. Рудня Шумаровская числилась как действующее предприятие за Почепской канцелярией, но уже в Румянцевской описи (1765–1769) речь идет только о деревне соответствующего

названия.

Гетман Кирилл Раумовский (1728–1803)

Генерал-фельдмаршал Иван Васильевич Гудович (1741–1820)

В 1781 г. этого железного завода уже не было. После прекращения выплавки железа он, как и многие другие, был переоборудован в водяную мельницу для помола зерна. В это время Рудня Шумаровская принадлежала Кириллу Разумовскому и

насчитывала 14 дворов и 13 бездворных хаты Разумовского, а также 3 двора и 1 бездворную хату стрельцов.

В середине 70-х годов XVIII века дочь графа Кирилла Разумовского Прасковья (1755 – 1808) вышла замуж за генерал-фельдмаршала Ивана Васильевича Гудовича и Рудня Шумаровская вместе с рядом других имений Разумовского стала собственностью рода Гудовичей.

Владельцы руден сами их не эксплуатировали, а сдавали в аренду, на откуп. Обычно рудня сдавалась в аренду вместе с мельницей для «спомогания той рудне», то есть перемола зерна работникам рудни. На мельницах часто имелись «ступники» для проса, вальни с суконными ступами. Часто при рудне имелся сенокос, кое-где пахотная земля, огороды. Почти всегда рудникам давалось право выжигать уголь из панского леса, большей частью сухостоя. Некоторым рудникам разрешалось иметь винокурни и курить вино для собственной надобности. Эта льгота, впрочем, давалась с большими оговорками, так как владельцы ревниво оберегали свое право курить горелку и продавать ее.

Из «Книги присяг малороссийских полков 1731 г. Мглинской сотни» известно, что в это время рудниками на этом железном заводе работали Петро Демидов и Петро Прибыш⁹.

Мельница в д. Рудня-Шумаровская, где располагался и железный завод, 1970 г.

---

⁹ Книги присяг малороссийских полков. Мглинская сотня. 1731 г. Л. 589об-593»
РГАДА. Ф. 248. Он. 103. Д. 8250. Мглинская сотня. Л. 589 об-593.

Ломако Иван Демидович (1912 – 1971)

Именно эта мельница с сукновальной была восстановлена и долгое время после Великой отечественной войны функционировала в д. Рудня Шумаровская на р. Воронуса. Эта мельница Есимонтовского сыграла большую роль в обеспечении жителей ближайших сел и деревень края мукой. Хлеб, блины и различные супы из этой муки спасли жизнь многим жителям края в период наступившего послевоенного голода. На этой мельнице мой отец, Ломако Иван Демидович, заново построил сукновальню в четыре ступы, которая затем долгое время обеспечивала население сел края сырьем для изготовления незаменимых в зимнее время валенок.

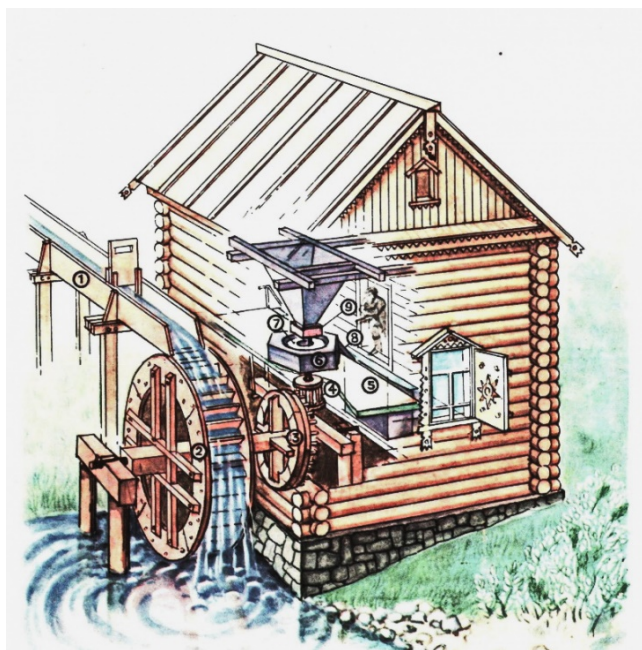
Мельница на Воронусе близ с. Шумарова

Другим распространенным предприятием Мглинского края XVII – XIX веков являлись водяные мельницы. Они строились на реках Судынке, Воронусе и на малых речушках, воды которых собирались в небольших озерцах. При большом напоре воды такая мельница давала до одной тонны муки в час.

Водяная мельница представляет собой достаточно сложное техническое сооружение. Основная идея состоит в преобразовании потока энергии падающей на колесо воды во вращение жернова, перетирающего зерно в муку. Однако реализация такой простой идеи представляет собой нетривиальную задачу.

Во-первых, необходимо создать нужный перепад между двумя уровнями воды. Для чего требуется плотина, разделяющая между собой эти уровни воды. Кроме того, так как естественного потока течения реки часто бывает недостаточно, то перед мельницей требуется наличие большого водоема (озера), выступающего в роли своеобразного аккумулятора энергии в виде накопленной в водоеме воды.

Во-вторых, необходим спусковой механизм, обеспечивающий возможность управления потоком поступающей на колесо воды (2). Эта задача решается путем сооружения ставка и заставок, перекрывающих поток воды. В тот момент, когда заставки ставка открываются, вода с помощью специального желоба (1) – «рынь», устремляется на водяное колесо, которое начинает вращаться.

Типовая конструкция водяной мельницы

В-третьих, требуется один из самых ответственных узлов водяной мельницы – зубчатый передаточный механизм, состоящий из зубчатого деревянного колеса с кулачками (3) и металлической шестерни (4). Это устройство обеспечивает связь между двумя перпендикулярно расположенными валами водяного колеса и жерновов (6,7), а редуктор (3, 4) одновременно повышает скорость вращения жернова (7), осуществляющего помол зерна, поступающего из бункера по желобу (9). Мука попадает в лоток (8) и отсюда ссыпается в мешок.

Такой передаточный механизм требует очень высокой точности изготовления как зубьев шестерни, так и деревянных кулачков зубчатого колеса, вступающих с ними в соприкосновение.

Мельницы на больших реках давали хороший доход, но требовали много труда и издержек при ежегодной поправке их плотин весной и обслуживанию приводного механизма жерновов.

Такое устройство мельниц обеспечивало помол муки низкого сорта. Только одни евреи, приготавливали под собственным наблюдением на этих мельницах к празднику пасхи пшеничную муку высокого качества. За помол зернового хлеба на мельницах вносили десятую часть зерна в натуре.

Если для устройства водяной мельницы воды недостаточно, то почти всякое помещичье хозяйство устраивает ветряную или валовую мельницу. Ветряные мельницы строят двух родов: голландские, сложные, с двумя валами и поворачивающимся верхом, и простые, с одним валом, поворачивающиеся всем строением.

Мельница подобного рода также была построена на р. Воронусе недалеко от железного завода, но выше по течению реки, вблизи кладбища с. Шумарово, которое жители называли «Борок». Точно неизвестно, кто и когда построил данную мельницу – в XX веке этой мельницы уже не существовало, однако до настоящего времени ниже того места, где в Воронусу впадает р. Войловка, которую жители села именуют также «Киптянкой», еще существуют остатки плотины, а в р. Воронусе от конструкции мельницы остались и некоторые сваи, скрытые под водой.

В первой половине XVII в. при владении Мглинским краем Николаем Абрамовичем на р. Войловке появилась д. Кипти, жители которой являлись

прихожанами Георгиевской церкви с. Шумарова¹⁰. Тогда ещё не существовало ни д. Филоновка, ни д. Крымок и только через плотину и ставок этой мельницы вела дорога из с. Шумарова в д. Кипти.

Мглин, с. Шумарово, Рудня Шумаровская и Кипти на карте Шуберта, 1846 – 1863 г.

В 1650 г. во время владения деревней Абрамовичем в Киптях было всего 4 двора¹¹. Поэтому вполне вероятно, что и д. Кипти и эта мельница были основаны в 40-х годах XVII в. еще Абрамовичем, так как другого пути через Воронусу тогда еще не существовало. Остатки этой дороги через плотину мельницы сохранились до настоящего времени.

После изгнания поляков эта мельница, вероятно, стала войсковой, а жители Киптей записались в казаки и стрельцы. Близость деревни к значительным лесным массивам открывала большие возможности для стрелецкого промысла, главной обязанностью которого являлась добыча и доставка дичи к столам полковников и гетманов. Крестьяне в начале XVIII в. в д. Кипти отсутствовали.

По Первой переписи Малороссии 1723 г. в Киптях – казаков 8 дворов, стрельцов 1 хата. По Румянцевской описи (1765-1769) в д. Кипти насчитывалось: 3 бездворные хаты бунчукового товарища Федора Губчица, 2 бездворные хаты возного

¹⁰ ГАЧО ф фонды 679 и 712. Исповедные ведомости Георгиевской церкви села Шумарова

¹¹ Инвентарь волости Мглина

Михея Покуневича, 6 дворов и 1 бездворная хата казаков, 3 двора и 2 бездворные хаты стрельцов.

С ликвидацией в 1781 г. Стародубского полка, казаки сохранили свой статус, а стрельцы были переведены в разряд казенных крестьян. В 1781 г. по Описи Новгород-Северского наместничества в д. Кипти числилось 7 дворов (9 хат) казаков, 5 дворов (5 хат) стрельцов и 8 дворов (10 хат) подсоседков.

Однако о более ранней истории мельницы близ села Шумарова известно очень мало. Первые достоверные документы о владельцах этой мельницы мы находим лишь в Румянцевской описи (1767), где сообщается о ее передаче за долги Федору Лашкевичу.

Владелец шумаровской мельницы войсковой товарищ Федор Лашкевич

Среди составителей родословной Лашкевичей в отношении родоначальника рода существуют определенные расхождения. Так, если в статье Ф.Д. Николайчика «Род Лашкевичей и дневник одного из них»¹², опубликованной в журнале «Киевская старина» в 1887 г., утверждается, что род происходит от Ильи Лашкевича, переселившегося будто бы в Стародуб из Речицкого повета в 1679 г., то в «Малороссийском родословнике» В.Л. Модзалевского род Лашкевичей начинается с некоего Гаврило.

Не отвергая возможности происхождения стародубских Лашкевичей от Лашкевичей мозырских, Модзалевский приводит ссылку на документ из Румянцевской описи Малороссии, в котором утверждается, что Тишко Гаврилович, прозываемый Лашко, 30 июля 1677 г. купил у Василия Михайловича Тавинского, казака полковой стародубской сотни, *«пляц дворовий, стоячий в паркане на Пробитой улице, обмежу з едного боку брама пробитая и вал, а з другого боку – Остранина небощика»*¹³.

Герб рода Лашкевичей

Опираясь на данный документ, Модзалевский считает, что Тишко не может быть сыном Ильи и видит в качестве первого предка Лашкевичей – Гаврило, сын и внук которого еще до половины XVIII столетия считались мещанами г. Стародуба. Только с этого момента или немного ранее они перешли в казацкое сословие и старшину.

Впрочем, это не имеет особого значения, так как ни об Илье, ни об Гаврило дополнительной информации нет, и их влияние сказывается лишь на отчестве Тишко (Тихона) Лашкевича, с которого фактически и начинается род Лашкевичей.

¹² Николайчик Ф.Д. Род Лашкевичей и дневник одного из них // Киевская старина, т. 12, 1887.

¹³ Модзалевский. В. Малороссийский родословник. Т. 1–5. – Киев, 1908 – 1914.

У этого рода был шляхетский герб, внесенный в «Общий гербовник». В щите, имеющем голубое поле, изображена золотая шестиугольная звезда и «под оною такого же металла луна рогами вверх». Щит увенчан дворянским шлемом и короною с павлиньими перьями, на которых видны звезда с луною. Намет на щите голубой, подложенный золотом.

Сын Тишко, Семен, по прозвищу Тищенко, уже настолько обогатился, что даже смог породниться с древним благородным родом Северщины – Рубцами. Он женился на Марине Рубец, взял за нею в приданное маестности в Стародубском полку и имел от нее пять сыновей. Старший из них, Карп, умер молодым, а остальных отец пристроил к знатному казачеству, записав их в службу значковыми товарищами¹⁴.

Из-за отсутствия протекции, ни один из пяти сыновей Семена Тищенко не пошел далеко по службе. Второй, Иван, умер в 1765 г. бунчуковым товарищем. Артемий, оставался до смерти значковым товарищем, а последний, Федор (родился около 1708–1713 гг., умер до 1781 г.), дослужился до войскового товарища и занимал уряд полкового хорунжего.

Представители рода Лашкевичей занимали различные уряды в Погарской и Бакланской сотнях Стародубского полка, а в XIX в. владели именьями в Новозыбковском (Брахлов), Новгород-Северском и Мглинском уездах. Лашкевичи породнились со многими известными родами – графами Гудовичами, Немирович-Данченками, Косачами, Галагенами, Милорадовичами, Миклухами.

Самым широко известным представителем этого рода в Мглинском крае стал Степан Артемьевич Лашкевич, который в 1827 г. стал предводителем дворянства края, будучи владельцем с. Новая Романовка. Предки Степана Артемьевича Лашкевича жили в Стародубе. В начале XVIII в. они служили в Стародубском полку в звании бунчуковых товарищей. За безупречную службу получали денежное вознаграждение и пожалованные земли, торговали пенькой, занимались скупкой земельных угодий, стали знатными и богатыми людьми на Стародубщине.

В Румянцевская опись (ф.57, оп. 1 кн. 105) содержит ведомость о владении войскового товарища Федора Лашкевича мельницей с принадлежностями при селе Шумарове, засвидетельствованную подписью его сына – войскового товарища Петра Лашкевича (листы 377-377 об.) и дубликат этого документа (листы 788 – 788 об.) с незначительными отличиями, написанный лучшим почерком, но без заглавия и подписи.

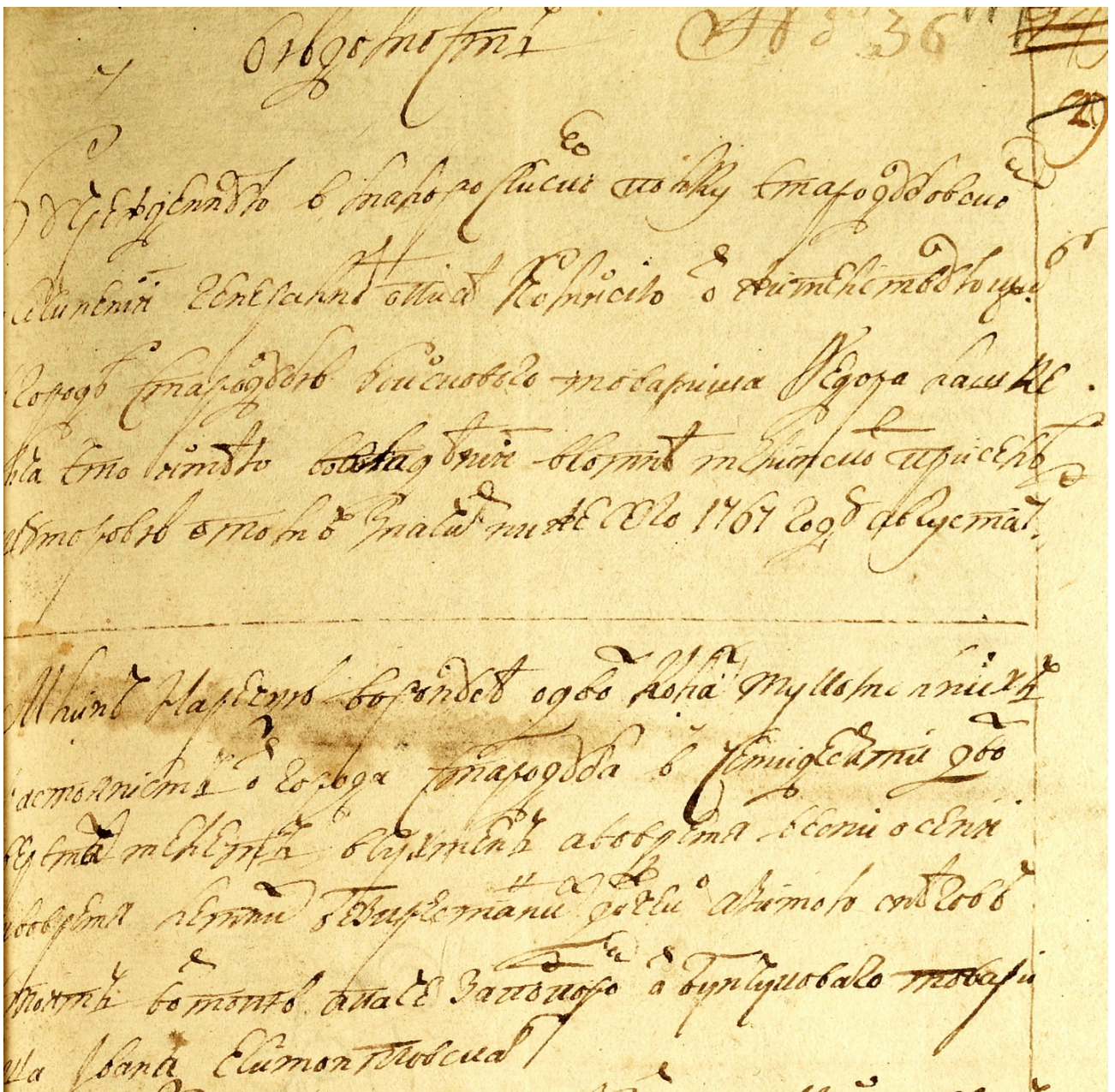
Согласно ведомости Петра Лашкевича от 7 августа 1767 г. эта мельница «о двух колах мукомольных» была отдана по суду за долги «казака тамошнего» Михаила Филипченка отцу Павла – Федору Лашкевичу.

При мельнице была хата и клеть, где жил мельник Клим Антонов, «уроженец» села Вединой Дубровы 44 лет. Вместе с мельником жила его жена Анна, (31 год), их дети – Андрей (5 лет), Мария (15 лет) и ученик мельника Леонтий (24 лет). По обеим сторонам реки Воронусы около этой мельницы накашивалось сена на 14 возов

¹⁴ Красногор Л.Ф. Род Лашкевичей // Сайт Брахлов. <http://m-m-brahlow.narod.ru/story/article/rod-lashkevichey.html>

Из рода Лашкевичей самыми представительными являются две ветви, которые берут свое начало от сыновей Семена Тихоновича – Ивана и Артемия. По линии Артемия происходит его внук, Степан Артемьевич Лашкевич, владелец с. Новая Романовка и предводитель Мглинского дворянства, а по линии Ивана – Степан Иванович Лашкевич, предводитель Погарского дворянства и автор известного «Дневника», описывающего события на Стародубщине второй половины XVIII в.

Владелец шумаровской мельницы на р. Воронусе Федор Семенович, бурмистр Стародубского магистрата (1744) и мещанин стародубский (1751), по универсалу гетмана Разумовского за службы отца и брата Ивана был определен в службу войсковым товарищем. В. 1754 г. по ордеру Генеральной канцелярии определен к бунчуковому товарищу Якову Тарновскому, где «порученное от господина Тарновского исправлял и хранил верно без упущения».

Лист 377 книги 105 Румянцевской описи. Фрагмент ведомости Петра Лашкевича

Мелница Принадлежит штурови на руде порогу с
Доломита Порога старозава 03 12 а в старинно
млина 03 12 устала

Владельцы оной мельницы

Войсковиц Понаришъ Порогъ лашкевичъ

Сона мельница Ганна Емъ Вадомъ Вадомъ
Войсковица Андреймело Вадомъ млина
Михайли Фридрихъ на Порогъ Вадомъ

мла оной мельницы Катта Вадомъ
Вадомъ млина Вадомъ антоно Вадомъ
Вадомъ млина Вадомъ 44 м Вадомъ
Ево млина Анна - - 31 м Вадомъ

Итого

Андреи - - 5 м
Вадомъ - - 15 м
Удому Ево млина 44 м

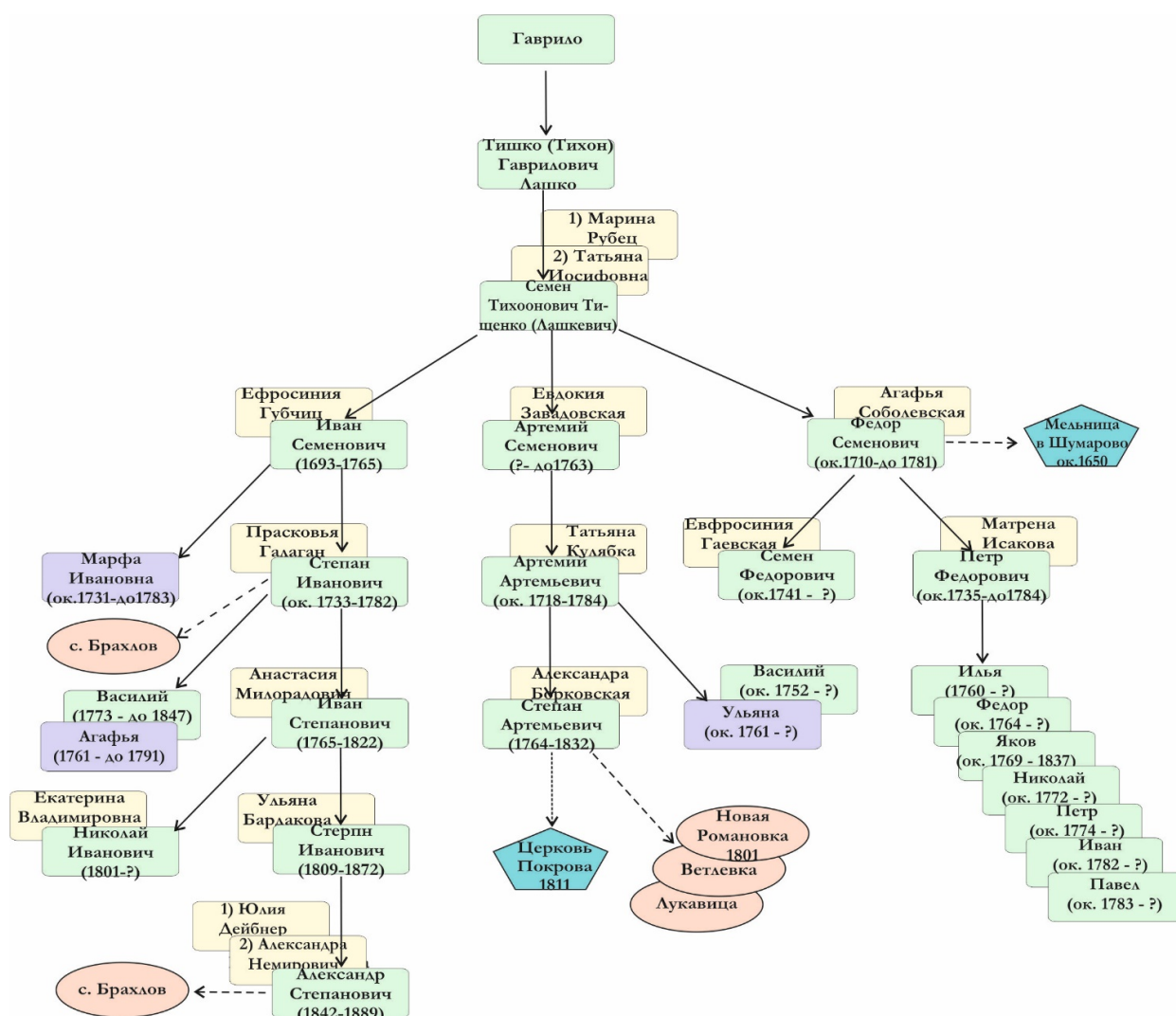
Водо мельница Принадлежит ево млина
Водо млина Вадомъ на Воронусе на
Вадомъ млина Вадомъ на 14

Лист 388 книги 105 Румянцевской описи. Фрагмент ведомости Петра Лашкевича

Федор Семенович был женат на дочери погарского сотника Агафье Семеновне Соболевской, от которой имел двух сыновей – Петра (* ок. 1735) и Семена (* ок. 1741) и четырех дочерей. Старший сын Федора Семеновича, Петр, женатый на Матрене Исаковне имел семь сыновей (Илью, Федора, Якова, Николая, Петра, Ивана, Павла) и двух дочерей (Прасковью и Анну).

Сыновья и внуки трех других братьев Федора Семеновича затерялись затем в массе мелкого дворянства, а старший, Иван Семенович, успел собрать значительное состояние и тем выдвинуть свое потомство.

Он скупил у теток своих по матери, Рубцовен, обширные поместья, по соседству со своим материнским имением и сделался богатым державцем в Стародубском полку. Ивану, который в ревизской сказке подписывался Лашкевич-Рубцов, принадлежали половина села Брахлов, Любечан, Полхова, Обтень, слободки Шамовки, половина с. Елионки, слобода Воронеж, а также мельницы на речке Бобинце, на речке Снови, на речке Ирпе и на ручье под местечком Новым Ропском.

Родословная рода Лашкевичей

*Александра Степанович
Лашкевич*

Иван Семенович был женат на Ефросинии Ивановне Губчиц, побывавшей уже в замужестве за Василием Журманом, сыном полкового обозного, и имел от нее пасынка Илью Журмана, сына Степана и дочь Марфу. В 1729 г., подавая «сказку» о владельцах с. Задубенье, Иван Лашкевич, как стал называть себя этот сын Семена Тищенко, говорит, что этим селом владеет он совместно с пасынком Ильей.

По линии Ивана Семеновича Лашкевича происходит также Александр Степанович Лашкевич (1842–1889) – издатель и редактор уникального журнала «Киевская старина». Весь род его как по мужской, так и по женской линии был родом истых малорусских земцев разных эпох и поколений, и эту черту любви к родной земле и земскому делу традиционно унаследовал Александр Степанович.

Владелец с. Новая Романовка Степан Артемьевич Лашкевич

Самым известным представителем этого рода в Мглинском крае стал помещик Степан Артемьевич Лашкевич, деятельность которого по строительству в усадьбе сеоа Новая Романовка Покровского храма принесла краю мировую известность.

Усадьба в с. Новая Романовка – это, пожалуй, одна из самых известных усадеб Мглинского края не только в нашей стране, но и за рубежом. Эту популярность ей принесла построенная по заказу Степана Артемьевича небольшая усадебная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Среди огромного множества типов культовой архитектуры данного периода этот храм является единственным в своем роде. Однако самое удивительное то, что в этой прекрасной по архитектуре церкви был не менее высокохудожественный иконостас, расписанный знаменитым художником Владимиром Боровиковским.

Степан Артемьевич Лашкевич родился около 1764 г., в службу вступил вахмистром в Кирасирский полк. 25 ноября 1784 г. уволен от службы в невысоком чине корнета и «отпущен в дом его», в село Суходолье Стародубского уезда. Также к владениям Лашкевича относились село Ветлевка и деревни Старая и Новая Романовки, купленные Степаном Артемьевичем в 1801 г. у Софии Васильевны Леонтович, село Ормин (ныне Вормино), которое Лашкевич купил в 1807 г. у сестры своей Ульяны, деревня Лукавица. Женат Степан Артемьевич был на Александре Андреевне Дунин-Борковской (* 1781). Детей у супругов Лашкевич не было.

Дед Степана Артемьевича, Артемий Семенович, был женат на Евдокии Васильевне Завадовской, сестре графа Петра Васильевича Завадовского, владельца знаменитой усадьбы в с. Ляличи. Евдокия Васильевна – дочь бунчукового товарища,

родилась около 1695 г., в 1763 г. жила в Стародубе. Артемий Семенович – бургомистр Стародубского магистрата (1737, 1743), знатный мещанин и купец Стародубский, – в 1738 г. за 400 рублей купил у своего тестя Василия Завадовского *«хутор в д. Хомутовке с млином, полем пахотным, сеножатями, гаями и со всеми угодьями»*.

Степан Артемьевич Лашкевич (1764–1832)

Память о меценате Степане Артемьевиче хранит не дом, где он жил, а церковь Покрова Богородицы, которую он построил в живописном месте своей усадьбы с. Новая Романовка.

Лашкевич был достойным представителем своего века и, строя церковь, задумал создать «искусство для искусства» в своей усадьбе, расположенной далеко от столицы. Хотя надо признать, что культура края в то время уже была засвидетельствована такими выдающимися произведениями искусства, как ляличский и почепской дворцы Петра Завадовского и Кирилла Разумовского.

Строитель этого прекраснейшего храма, знаток и ценитель искусств Степан Лашкевич, несомненно,

обладал высокоразвитым художественным вкусом. Явное этому доказательство как построенный им храм, так и его иконостас, расписывать который Лашкевич пригласил знаменитого художника Владимира Лукича Боровиковского, советника Академии художеств, жившего и работавшего в то время в Петербурге¹⁵.

Прекрасный образец центрического купольного усадебного храма, в стиле зрелого классицизма, заменивший деревянную церковь, был построен Степаном Артемьевичем Лашкевичем в 1811 г. Это оригинальное сооружение привлекло внимание давно. Федор Федорович Горностаев даже указывал на его сходство с известной «Башней ветров» в Афинах (I в. н. э.).

«Композиция Покровской церкви более спокойна и уравновешена, но сам памятник, безусловно, очень интересен. Его пропорции изысканны, немногочисленные детали верно найдены и хорошо прорисованы. Даже удивительно, что такое первоклассное сооружение

¹⁵ Ломако Е.И. Меценат и благотворитель – Степан Артемьевич Лашкевич. // Сайт Мглинский край. <http://www.mglin-krai.ru/chernigovskaya-guberniya/350-metsenat-i-blagotvoritel-stepan-artemevich-lashkevich>.

было возведено в далекой глуши, в никому не известной Романовке», – пишет Ф.Ф. Горностаев¹⁶.

Парадный вход в церковь Покрова Пресвятой Богородицы

Средняя школа с. Новая Романовка. Левее центра парка виднеется купол церкви Покрова

---

¹⁶ Горностаев Ф.Ф. Дворцы и церкви Юга. Культур. сокровища России, вып. 8.– М., 1914.

Все образы, созданные Боровиковским для Покровской церкви с. Романовки, полны особой одухотворенности и гармонии, а храмовая икона «Покрова Богородицы» имела надпись: «В сем храме иконы написаны Императорской Академии художеств советником Владимиром Лукичем Боровиковским в С.П. Бурге 1815 г.»

Владимир Лукич Боровиковский (1757–1825)

В исполнении заказа Боровиковским на написание икон для иконостаса Покровской церкви сказались его ранние малороссийские связи. Еще в 1799–1801 гг. он писал портреты М.А. Дуниной, дочери харьковского наместника, и ее супруга И.П. Дунина, шефа Елисаветградского гусарского полка, по всей вероятности родственников Александры Андреевны Дунин-Борковской, жены Степана Лашкевича.

В написании всех икон иконостаса церкви Покрова чувствуется любовное отношение и страстное стремление передать мистическую тайну и силу Божества.

Все эти светящиеся нимбы и «внутренний – небесный свет», сопровождаемые соответствующим

выражением лиц, достигают цели и вводят в композицию высокое религиозное настроение. Владимир Боровиковский по праву считается первым русским религиозным художником, затронувшим область того мистицизма, который затем так ярко выразили в своих культовых полотнах А.А. Иванов и Врубель.

Иконы романовского иконостаса написаны в 1814–1815 г. и представляют редкую высокохудожественную ценность. Традиционные религиозные персонажи и композиции исполнены художником реалистически и в то же время реализм этот далек от повседневной обыденности.

Нам несказанно повезло. К статье Федора Горностаева 1908 г., специально посвященной иконостасу романовской церкви, была приложена подробная фотофиксация внутреннего убранства храма, представлявшего удивительно цельный комплекс¹⁷. Романовский иконостас выполнен Боровиковским в виде триумфальной арки, увенчанной фигурой *Христа во Славе* (26), с сиянием вокруг. Нежный, мягкий по тону и воздушный иконостас чарует своим изяществом и согласованностью форм. Тонкая, идейная живопись ярко и выпукло выступает, обрамленная нежной резьбой, на фоне удивительно скомпонованного иконостаса.

¹⁷ Горностаев Ф.Ф. Иконостас кисти В.А. Боровиковского //Труды XIV Археологического съезда в Чернигове, т. 2. – М.,1908.

Иконостас Романовской церкви

Снизу – вверх, слева – направо:

1. Софии, Веры, Надежды и Любви; 2. Богоматерь; 3. Евангелист Лука; 4. Евангелист Иоанн; 5. Спаситель; 6. Покрова Богородицы; 7. Архангел Михаил (северная дверь иконостаса); 8. Архангел Гавриил (с внутренней стороны правого устоя арки); 9. Царица Александра и Архидиакон Стефан (икона расположена с внешней стороны левого устоя арки); 10. Св. Юлиания и мученик Василий Просвитер (икона расположена с внешней стороны правого устоя арки); 11. Нерукотворный Спас; 12. Евангелист Матфей; 13. Евангелист Марк; 14. Усекновение главы Иоанна Предтечи (икона расположена с внутренней стороны правого устоя арки); 15. Благовещение; 16, 17. Библейские Пророки; 18. Тайная вечеря; 19. Распятие; 20–25. Двухфигурные изображения Апостолов; 26. Христос во Славе и Всевидящее око.

Сильный и проникновенный в области религиозного творчества, Владимир Лукич в каждую икону иконостаса вложил присущее ему понимание религиозного сюжета и удивительную экспрессивность одухотворенных лиц.

Изысканное сочетание белого с золотом, согласованность пропорций общего и локального, мастерская лепка резьбы и выдержанность художественного ансамбля, делают иконостас редким произведением искусства, который мог бы послужить лучшим украшением любого столичного музея. Совершенно особую и исключительную ценность придавал иконостасу удивительно цельный ансамбль из 26-ти икон Боровиковского (целый музей!), не тронутых позднейшими поправками и не утративших от времени своего чудного колорита.

По самой арке в кругах размещены апостолы по двое в каждом медальоне. Арку поддерживают устои, все три стороны которых заняты иконами. С лица и с внешних сторон – местными, а с внутренних сторон (над северными и южными дверями иконостаса) – иконами *Архангелов Михаила и Гавриила (7 и 8)*, над которыми помещены изображения *Нерукотворного Спаса (11)* и *Усекновение главы Иоанна Предтечи (14)*.

От двадцати шести икон Боровиковского, исполненных маслом на холсте, сохранились пять из местного ряда: *Богоматерь (2)*, *Спаситель (5)*, *Архангел Михаил (7)* – ныне в Государственной Третьяковской галерее, *Архангел Гавриил (8)* – в Казахской государственной художественной галерее в Алма-Ате и *Святая Юлиания и мученик Василий Пресвитер (10)* – в Брянском областном художественном музейно-выставочном центре.

Изображаемые Боровиковским религиозные сюжеты, несмотря на то, что по стилю и характеру своему более приближались к картинам западной католической трактовки, носят глубоко православный характер.

В них Боровиковский, как иконописец, остался верен себе, сумев в конкретных, условных формах передать чувства своей веры, изображая в образах космогоническую картину мира, где присутствуют солнце, луна, земная твердь, звезды.

Иконы местного ряда *Богоматерь (2)* и *Спаситель (5)*, – налево и направо от Царских врат, – написаны во весь рост. Боровиковский создал мистический образ Богородицы, который должен был производить глубокое впечатление на прихожан. Эффект чудесного видения достигается благодаря умелому изображению источников света. Фигура словно выступает из непроглядной тьмы глубокого фона, излучая яркий ровный свет.

Богоматерь предстает на полумесяце, в окружении херувимов. Под ногами ее тонкий опрокинутый серп полумесяца, вокруг – темное небо. Пропорции фигуры Богоматери вытянуты, одеяние изображено лаконично. Ее фигуру венчает нимб в виде светящегося круга, обрамленного двенадцатью звездами.

Богоматерь (2)

Спаситель (5)

Подобная трактовка образа Богоматери восходит к книге «Откровение Святого Иоанна Богослова». «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд». Сгустками света на темном фоне неба окружают Богородицу херувимы, изображенные в виде детских головок с парой крыльев. Контрастное тональное решение создает таинственную, «ночную» атмосферу. Богоматерь с младенцем на руках помещена на сфере, среди сонма бесчисленных Серафимов. Мистический, широкий нимб двенадцати звезд окружает голову Богоматери, и мягкий, фантастический неземной свет освещает всю ее фигуру.

На парной иконе, *Спаситель(5)*, изображен Христос, в сиянии, исходящем от Бога Отца и Святого Духа. Он стоит на земном шаре на фоне Голгофского креста. Образ восходит к Священному Писанию – «просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет». В молитвах Христос также неоднократно уподобляется солнцу: «солнце правды», «свете истинный».

Пригвожденной рукой Спаситель благословляет, другая рука покоится на груди. Христос изображен стоящим на сфере, олицетворяющей землю, из-за которой виднеется восходящее солнце. За спиной Христа слева – большой крест, а над головой – парящий голубь (Дух Святой). Вдали вверху – указывающий Саваоф (одно из библейских названий Бога, акцентирующее внимание на свойство всемогущества), кругом – Ангелы¹⁸.

Особенной глубиной выражения отличаются изображения архангелов – *Михаила (7)* и *Гавриила (8)* на северных и южных дверях иконостаса, помещенных с боков внутренних устоев триумфальной арки. Оба изображения чрезвычайно эффектны в своих контрастах, колорит их прекрасен. Фигуры архангелов полны движения и выразительны в своем летящем положении.

Архангел Михаил в кольчуге стремительно спускается во тьму, поражая врагов своим огненным мечом и отражая щитом в левой руке сверкающие молнии. Архангел не имеет грозного вида, лицо его спокойно и уверенно. Свет прорывается сверху, смутно освещая силуэты гор над головой архангела, внизу – пропасть тьмы...

Для образа Архангела Михаила, Боровиковский каждый раз находит новые оттенки выразительности. Стремительный полет предводителя небесного воинства особенно выразителен по сравнению со статичными фигурами Христа и Богоматери. Меч в его правой руке подобен разящей молнии, светоносный щит блещет на левой руке.

Архангел Гавриил, вестник света и мира, с цветком лилии и каменным зеркалом в левой руке и с зажженным фонарем в правой, напротив, освещает тьму, рассеивающуюся при его приближении. Архангел устремил свой взор на небо, откуда исходит свет, как бы вслушиваясь в повеления Господа.

¹⁸ Горностаев Ф.Ф. Дворцы и церкви Юга. Культур. сокровища России, вып. 8.– М., 1914.

Горностаев Ф.Ф. Иконостас кисти В.А. Боровиковского //Труды XIV Археологического съезда в Чернигове, т. 2. – М.,1908.

Архангел Михаил (7)

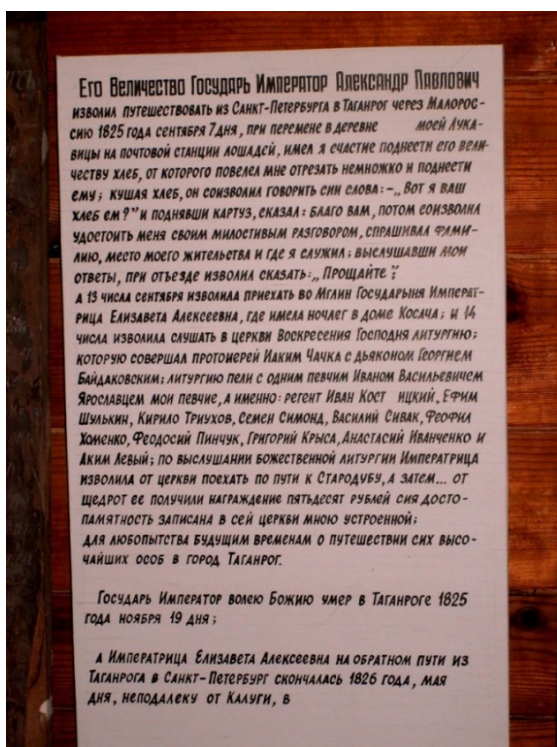
Архангел Гавриил (8)

За свою службу Степан Артемьевич был награжден бронзовой медалью в память Отечественной войны 1812 г. А 7 сентября 1825 г. ему случилось представиться императору Александру I. Император, путешествуя из Петербурга в Таганрог, проезжал через Мглинский уезд.

В краеведческом музее г. Мглина в настоящее время хранится дверь церкви Покрова, на которой сделана достопамятная запись о том, что 7 сентября 1825 г. Лашкевич в своей д. Лукавице встречал императора Александра I и в знак гостеприимства подносил ему хлеб.

Лукавица в 2010 г.

Расшифровка записи С. А. Лашкевича на двери церкви Покрова. Мглинский краеведческий музей

Л. Ж. Монье. Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны (1779—1826)

В 1825 г. Александр I и императрица Елизавета Алексеевна, проезжая через Мглин из Петербурга в Таганрог, останавливались в доме Павла Григорьевича Косача. По такому случаю в его дом специально была доставлена мебель из Почепа от военного губернатора князя Николая Григорьевича Репнина.

Дом Павла Григорьевича Косача на Косачевом хуторе, где останавливался Александр I в 1825 г.

Беннер. Император Александр I (1777–1825), 1821 г.

В.Л. Боровиковский. Императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826), 1814 г.

А 13 сентября в г. Мглин прибыла императрица Елизавета Алексеевна, ночевала в доме Мглинского дворянина Павла Григорьевича Косача, и 14 числа, в праздник Крестовоздвижения, Елизавета Алексеевна *«изволила слушать в церкви Воскресения Господня литургию; которую совершал протоиерей Иаким Чачка с дьяконом Георгием Байдаковским; литургию пели с одним певчим Иваном Васильевичем Ярославцем мои певчие (певчие помещика С.А. Лапкевича – Е.А.), а именно: регент Иван Костицкий, Ефим Шулькин, Кирило Триухов, Семен Симонд, Василий Сивак, Феофил Хоменко, Феодосий Пинчук, Григорий Крыса, Анастасий Иванченко и Аким Левый».*

13 сентября они ночевали в доме дворянина Павла Косача, а утром 14 сентября императрица, Елизавета Алексеевна, присутствовала на воскресной литургии в соборной Воскресенской церкви города, которую совершили местный священник Иоаким Чачка и дьякон Георгий Байдаковский.

Лука Дудицкий-Лишин в своем дневнике вспоминает, что Александр со всеми был ласков, *«и говорил со многими, как-то: хозяйкой дома, женою Косача; моей племянницей, дочерью Василия Петровича Лишеня, Анной Васильевной, и руку ее целовал; подполковником – двоюродным братом моим Григорием Федоровичем Дудицким-Лишиным; Петром Михайловичем Искрицким; маршалком Николаем Рославцом»*¹⁹.

Позже при встрече с военным губернатором Н.Г. Репниным, поджидавшим царя в Новгород-Северске, Александр объявил ему выговор за плохое состояние дорог в уезде. Получив разнос от военного губернатора за дороги, городское начальство рьяно взялось за исправление данной ситуации. Прежде всего, старую Смоленскую дорогу обсадили вплоть до Рославля березами и соснами. По ее сторонам отвели широкие участки для выпаса и прогона скота. По этим участкам украинские чумаки стали возить на волах в обе столицы крымскую соль, а из Украины – хлеб, прогонять гурты скота. Камни для мощения центральной части города привозили крестьяне Молодькова и других северных селений уезда, где отступавшие ледники оставили мощные валунные отложения.

В результате, вымостить удалось лишь часть центральных улиц. Остальные же улицы весной и осенью становились непроезжими, особенно Суражская. Ее много раз устилали хворостом и бревнами, но настил тонул в трясине оврага, по дну которого она была проложена.

Во время пребывания Александра I в г. Мглине из-за недостатка средств оставался недостроенным Успенский собор, который создавался на средства коллежского асессора Григория Лишина и добровольные пожертвования жителей в честь победы в Отечественной войне 1812 года. Жители Мглина обратились к императору Александру I с прошением о выделении средств на завершение строительства собора, составленным от их имени смотрителем училищ уезда Симеоном Визерским:

«Всеподданейшие Вашего императорского величества города Мглина жители, движимы будучи сердечными чувствами благодарности к православной греко-российской вере, через ревнителей своих в глазах целого света прославившей любезное Отечество наше и чудесным образом от неприятельскрго в 1812 году нашествия избавившей град сей, в знак достопамятного события оною, с общего согласия постановили на место существовавшей ветхой деревянной церкви построить, с Божией помощью и усердием дателей, новую каменную трехпрестольную церковь... Пособия господина Лишина со смертью его прекратились, а граждане, как от смутных обстоятельств 1812 года, так от ежегодных неурожаев, не оправились.... Благослови, Государь, явить на окончание храма высокомонаршую милость».

---

¹⁹ Дудицкий-Лишин Л.И. Краткое описание по всем отношениям, места родины моей – села Нивного. // Календарь Черниговской губернии на 1892 г. –Чернигов, 1891.

Прошение было подано царю священником Ефимом Корниевским. Александр I обещал выделить на достройку собора необходимые средства, однако не успел, так как в Таганроге он скоропостижно скончался. И все же просьба мглинчан была удовлетворена при царствовании Николая I. В 1827 г. из кабинета императора было прислано на завершение строительства Успенского собора и приобретение колоколов пять тысяч рублей ассигнациям. 12 октября 1830 г. храм был освящен, и в нем началось богослужение.

Певчие «от щедрот» государыни «получили награждение пятьдесят рублей». Как видим, не только церковное здание выстроил Степан Артемьевич, не только украсил храм замечательными иконами, но и создал известный во всем уезде церковный хор. Торжественная встреча царя в Лукавице и царицы в г. Мглине *«для любопытства будущим временам»* была записана в Романовской церкви белилами на массивной двери, выкрашенной масляной зеленой краской.

В 1942 г. из новоромановской церкви вместе с четырьмя иконами Боровиковского в г. Мглин была привезена и дверь с памятной записью Лашкевича. Все привезенное поместили в мглинском Успенском соборе, оно стало церковным имуществом. Иконы поставили на видных местах, а дверь с памятной записью закрывала вход на хоры.

В ноябре 1961 г. богослужение в Успенском соборе прекратилось, здание осталось без присмотра и начало медленно разрушаться. Церковное имущество беспрепятственно растаскивалось, с икон были вырезаны и содраны полотна письма Боровиковского и унесены. Судьба этих четырех пропавших икон до сих пор остается неизвестной. В марте 1978 г. Брянская областная мастерская «Реставрация» приступила к ремонту Успенского собора. Во время уборки мусора внутри здания вместе с обломками хора была обнаружена и дверь с памятной записью Лашкевича, которая затем была перенесена в краеведческий музей г. Мглина.

Со Степаном Лашкевичем тесно связана одна легенда, впервые опубликованная де ла Флизом в его книге «Поход Наполеона в Россию в 1812 году». В этой книге доктор наполеоновской армии де ла Флиз, который, находясь в плену в доме графа Василия Васильевича Гудовича в с. Разрытое, записал невероятную историю о трагической гибели Степана Лашкевича в с. Романовка²⁰.

«В половине октября (1813 года) случилось происшествие в имени Романовке Мглинского уезда, огорчившее графа генерал-лейтенанта Гудовича и графиню, дающее понятие о мщениии русских крестьян над господами, когда эти обращаются с ними жестоко».

Существует и другая версия этой легенды, рассказанная романовскими жителями и приведенная в книге З.Е. Протченко «Земля Мглинская – родной край». Согласно этой версии, Степан Лашкевич имел много золота (ясно ведь, что золото – это обязательный атрибут любой легенды!) и прятал его в земле в разных местах своей усадьбы (без драгоценного клада в легенде тоже трудно обойтись!), а, чтобы не забыть

---

²⁰ Де ла Флиз. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. – М.: ООО «Наследие», 2003.

мест захоронения клада, он составил схематический план, по которому его можно было легко найти²¹. Однако крестник Лашкевича обнаружил этот план и решился убить своего крестного и воспользоваться его золотом. Скоро обнаружили Лашкевича в его же доме с перерезанным горлом. Совершив преступление, убийца посадил свою жертву в кресло перед зеркалом и вложил мертвому бритву в руку, имитировав самоубийство. Затем, якобы муки совести его замучили, он на исповеди во всем признался священнику и был сослан на каторгу пожизненно в Сибирь.

Вот такие две версии трагической смерти Степана Артемьевича в 1813 г. можно обнаружить в книгах, статьях и на страницах сайтов Интернета. Однако тщательные исследования событий жизни Степана Лашкевича показывают, что эти версии не во всем соответствуют действительности, так как после 1813 г. он прожил еще почти 20 лет и умер лишь в апреле 1832 г.

Подтверждение даты смерти Лашкевича в 1832 г. можно обнаружить в нескольких источниках. Так, на портрете Лашкевича из Черниговского дворянского дома, написанном маслом, указана дата его рождения – 1764 г. и смерти – 1832 г. Граф Г.А. Милорадович в своем справочнике «Родословная книга Черниговского дворянства» и В.А. Модзалевский в «Малороссийском родословнике» сообщают, что с 1827 по 1830 г. Степан Артемьевич занимал должность предводителя мглинского дворянства (то есть был чрезвычайно уважаемым в уезде человеком) и оба подтверждают, что он умер в 1832 г.

Более того, А.М. Маркович в книге «Историческая и статистическая записка о дворянском сословии и дворянских имуществвах Черниговской губернии», изданной в 1838 г., всего через шесть лет после смерти Лашкевича, в противовес легенде де ла Флиза о «скупости, жестокости и безграмотности» Степана Артемьевича, сообщает:

«Помещик Мглинского уезда, умерший корнет Степан Артемьевич Лашкевич, завещал (1829 г.) положить в приказ общественного призрения 300 тысяч рублей, в число которых уже внесены были им самим 185,000. Проценты со 100 тысяч руб. назначены на ежегодное оплачивание за его крестьян податей и пошлины за право свободной продажи вина. Ни в каком случае наследники не могут взять капитал сей из приказа, если не изменится правительством самый быт крестьянский. Проценты с 200 тысяч руб. определены на содержание воспитанников – из столбовых дворян бедного состояния в пансионах университетов и гимназий. Каждый из воспитанников, по окончании учения, должен получить одновременно столько денег, сколько за него платилось училищу ежегодно. сверх того, Лашкевич завещал иметь всегда в запасе 10,000 пудов хлеба для взаимобразного пособия нуждающимся поселянам и учредить в селе его Романовке, при церкви им выстроенной, богадельню на 12 человек неимущих, предоставляя им 500 руб. в год на содержание. Когда уменьшились проценты, получаемые из кредитных заведений, Лашкевич дополнительным завещанием (1831 года) прибавил 25 тысяч рублей к сумме, прежде назначенной, для уплаты податей за его крестьян. Весь капитал С.А. Лашкевича был сполна внесен в Черниговский Приказ Общественного Призрения»²².

---

²¹ Протченко З.Е. Земля Мглинская – родной край (историческая повесть). – Брянск, 2003.

²² Маркович А.М. Историческая и статистическая записка о дворянском сословии и дворянских имуществвах Черниговской губернии». – Чернигов, 1838.

Опираясь на эти данные можно с уверенностью сказать, что портрет, нарисованный де ла Флизом, никакого отношения к реальному образу Степана Артемьевича не имеет. Подлинное и весьма дружелюбное отношение Лашкевича к крепостным видно из составленного в их пользу завещания, приведенного Марковичем. Кроме того, непосредственно из текста книги де ла Флиза следует, что убийцами помещика были дворовые люди: повар, кучер, камердинер и помогавшая им горничная. Они-то уж, конечно, не работали в поле – ни скованные, ни раскованные.

Однако причин сомневаться в трагической гибели Степана Артемьевича Лашкевича, но не в 1813, а в 1832 г. также нет. Об этом свидетельствуют многие детали убийства, сообщаемых де ла Флизом: обстоятельства разоблачения преступления, судьба тела Лашкевича и надпись на его могильной плите. Де ла Флиз описал это преступление, скорее всего, по рассказам соседей Лашкевича и родственников своей жены графов Гудовичей, ошибочно указав 1813 г. как дату гибели С.А. Лашкевича. Что же касается повода для убийства Степана Артемьевича, то, возможно, на него указывает предание, сохранившееся среди романовских жителей и приведенные в книге З.Е. Протченко. Крестником Лашкевича вполне мог быть и повар, и кучер, и камердинер, поскольку помещики часто выступали восприемниками на крестинах своих крепостных.

Похоронили Лашкевича у построенного им Покровского храма в Новой Романовке. Надгробие помещика-благотворителя было разрушено. Однако описание этого надгробия чудом сохранилось. Надпись на надгробном памятнике гласила: *«Лашкевич Стефан Артемьевич, корнет, умер от руки убийц 21 апреля 1832 г., на 67 году жизни»*²³. Далее шла стихотворная эпитафия:

*Здесь скрыт страдальца прах.
В пустом тщеславии он счастья не ставил,
И память о себе бессмертную оставил
В благотворительных делах.*

Хотя надгробие, поставленное на могиле Лашкевича около храма Покрова, было разрушено, но церковь, им построенная, сохраняется и сейчас как уникальный архитектурный памятник начала XIX в.

Безусловно, Лашкевич был один из самых образованных людей своего времени, и хорошо разбирался в искусстве. Это, в частности, подтверждается как его вкладом в строительство уникальной церкви Покрова и приглашением для создания иконостаса этой церкви одного из выдающихся художников России В.А. Боровиковского, так и его пожертвованиями на содержание воспитанников небогатых дворян Мглинского уезда в пансионах университетов и гимназий.

---

²³ Соловьев Ю. Добрые люди Брянской земли: Степан Артемьевич Лашкевич // Сайт Брянская тема. <http://tema32.ru/articles/2017/119/2175/>.